

ИСКУССТВО ПОД БУЛЬДОЗЕРОМ

СИНЯЯ КНИГА

составил Александр ГЛЕЗЕР

ИСКУССТВО ПОД БУЛЬДОЗЕРОМ
СИНЯЯ КНИГА

*« Боже мой, что это за общество, которое
вынуждено выпускать бульдозеры против
картин ! »*

Джордж Мини, президент
Американской федерации труда - Конгресса
производственных профсоюзов (из выступле-
ния перед Комитетом по иностранным делам
Сената США 1 октября 1974 года).

**ART UNDER
BULLDOZERS**

(THE BLUE BOOK) ,

**edited by
ALEXANDER GLESER**

OVERSEAS PUBLICATIONS INTERCHANGE

**ИСКУССТВО
ПОД
БУЛЬДОЗЕРОМ
(СИНЯЯ КНИГА)**

**составил
АЛЕКСАНДР ГЛЕЗЕР**

OVERSEAS PUBLICATIONS INTERCHANGE

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted, in any form, or by any means, electronic, mechanical photocopying, recording or otherwise, without the prior permission of Overseas Publications Interchange Ltd.

ISBN 0 903 868 07 5

© Alexander Gleser

© Russian Edition

Overseas Publications Interchange Ltd.
40, Elsham Rd. London W. 14 8HB

Printed in France by
Première Imprimerie Ukrainienne
3, rue du Sabot, 75006 Paris

ХРАНИТЕЛЬ ПОИСКА

Общеизвестно крылатое булгаковское: «*Рукописи не горят!*» В некоем мистическом плане, может быть. Но, к сожалению, в реальной действительности все обстоит гораздо печальнее. Рукописи горят, полотна уничтожаются, художники погибают. И поэтому каждый из нас — людей в известной мере причастных к культуре, должны быть благодарны тем энтузиастам, которые, не жалея сил и средств, а зачастую и в крайне опасной для них обстановке, пытаются спасти и сохранить гонимые властью произведения искусства.

Одним из таких энтузиастов я смело могу назвать поэта Александра Глезера. Мне нет надобности подробно рассказывать о его жизни и судьбе, о нем достаточно написано в мировой печати, основные материалы которой добросовестно воспроизведены в этой книге. Я хотел бы только обратить внимание читателя на характерную особенность Глезера — комментатора: в своих оценках и суждениях он часто страстен и даже пристрастен, но четкая политическая определенность его позиции не перерастает при этом в узкую тенденциозность, ибо пафос автора исходит из безуслов-

ных этических посылок. В наш век размытых нравственных и эстетических критериев, когда иные новоявленные культуртрегеры готовы сотрудничать с любой самой бесчеловечной тиранией ради своих эгоистических интересов, такая этическая чуткость — редкий дар.

Документы, собранные в этой впечатляющей книге, говорят сами за себя, поэтому излишне подробные комментарии к ним могли бы только снизить читательское впечатление.

Как говорится, слово — фактам!

Владимир Максимов

5.12.76.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Рукопись уже готовой «Белой книги» о сентябрьских выставках 1974 года в Москве на открытом воздухе была изъята гебистами во время обыска на моей московской квартире 12 декабря 1974 года. На Лубянке начальник следственного отдела КГБ Москвы и Московской области полковник Коньков предложил мне одно из двух: либо эмигрировать, либо предстать перед судом за антисоветскую деятельность. Когда я согласился на эмиграцию лишь при условии, что мне разрешат вывезти мою коллекцию картин художников-нонконформистов, то он выдвинул ответное требование — не издавать на Западе «Белую книгу». 17 декабря я подписал документ, в котором, с одной стороны, указывалось, что я имею право взять с собой 80 картин, а с другой — отмечалось мое обещание не издавать «Белую книгу».

В тот же день в присутствии лидера нонконформистов Оскара Рабина я передал копию этого документа корреспонденту Франс-пресс Данзасу с просьбой распространить его среди других аккредитованных в Москве западных журналистов и предать гласности. Данзас обещал сделать все, но почему-то не сделал ничего.

Обязуясь на Лубянке не выпускать «Белую книгу», я уже тогда знал, что выпущу ее — лишь изменю колер. Эта книга — мой долг перед русской культурой, перед теми мужественными и честными советскими художниками, которые в условиях несвободы отстаивают право на свободу творчества. Эта книга — мой долг перед всеми, кто, рискуя жизнью, борется в СССР за свободу, преследуемый сворой с Лубянки и ее бесчисленных провинциальных филиалов.

И что бы ни говорили полковник Коньков и его присные, как бы они ни доказывали, что КГБ не имеет отношения к бульдозерному погрому 15 сентября 1974 года, совершенно ясно, что за спиной бесчинствующей милиции стояла Лубянка. Одни лишь нелепые и смешные отговорки гебистов: мы, мол, ни о чем не знали и ни о чем не ведали и их желание воспрепятствовать выходу «Белой книги» на Западе выдают достойных наследников Дзержинского с головой.

В книгу включены статьи из советской прессы и из зарубежной — в основном из американских газет, так как они наиболее подробно освещали события. Ряд интересных статей из немецкой и итальянской прессы, изъятых во время обыска, мне, к сожалению, отыскать не удалось.

10/XI-1976

Александр Глезер

ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ МОСКОВСКИХ
ВЫСТАВОК НА ОТКРЫТОМ ВОЗДУХЕ
В СЕНТЯБРЕ 1974 ГОДА

Еще в 1969 году, когда после инструкции Московского городского комитета партии о том, что каждая выставка должна просматриваться и разрешаться руководством МОСХа (московское отделение Союза художников СССР), перед художниками-нонконформистами была воздвигнута стена молчания, то есть проведение где бы то ни было экспозиций стало для них невозможным, — лидер нонконформистов Оскар Рабин предложил: «Давайте организуем выставку на улице или набережной, как это делают в Париже и Лондоне». Однако тогда его идея успеха не имела. Большинство зачинателей движения неофициальных русских художников устало от неравной борьбы с тоталитарным государством и боялось, что демонстрацию картин под открытым небом власти будут рассматривать как прямой вызов. «Дают мне пока работать, как хочу, не трогают, — и на том спасибо!» — сказал один из них.

В 1974 году положение изменилось. Во-первых, и в Москве, и в Ленинграде, и во Владимире появились молодые художники (Евгений Рухин, Юрий Жарких, Эдуард Зеленин, Надежда Эльская, Виталий Комар, Александр Меламид, Александр Рабин и другие), которые жаждали выставиться у себя на Родине.

Во-вторых, гебисты и милиция начинают осуществлять одну за другой провокации против нонконформистов. После изгнания А. И. Солженицына Оскар Рабин мрачно пошутил: «Теперь у них освободились руки и для нас». Он оказался прав.

Ленинградцу Е. Рухину дважды в его отсутствие в феврале и в марте 1974 года булыжниками выбивают в квартире стекла. Вызванный женой художника милиционер вместо того, чтобы искать «хулиганов», недвусмысленно заявил: «Нечего вашему мужу к подозрительным друзьям в Москву таскаться. Тогда и стекла будут целы».

В начале мая гебисты задерживают на улице другого ленинградского живописца Юрия Жарких и в течение трех часов обрабатывают его в местном отделении Лубянки. То запугивают, то объясняют в любви к его картинам, стараясь завербовать или, на худой конец, заставить отказаться от борьбы за свободу творчества.

Не легче приходится и москвичам. Александра Рабина, как и Жарких, забирают на улице и тоже в течение трех часов ведут с ним «душеспасительные» беседы. То сулят принять в Союз художников, то угрожают «принять соответствующие меры», если он пойдет дорогой отца. Самого

Рабина на протяжении нескольких недель атакуют по телефону. Звонят утром, днем и ночью. То какие-то мужчины грозят убить, то неизвестные женщины назначают свидания, то незнакомая девушка просит дать почитать «Архипелаг Гулаг». Однажды трубку снял я и услышал: «Рабин, с вами говорят из Мавзолея Владимира Ильича. Хотите переспать с Лениным?» И свою святыню «во имя пользы дела» не стесняются осквернить гебисты и их подручные. 4-го мая, когда О. Рабин возвращался из Преображенской церкви, где отец Дмитрий Дудко прощался с паствой, его задерживает милиция. Обвинение: украл в церкви у кого-то часы. Явный вздор? Неважно. Пусть человек помнит, что за ним постоянно следят. В конце мая, когда художники Комар и Меламид показывали у себя дома друзьям картины, в квартиру ворвались милиционеры и всех присутствующих (22 человека) увезли в 120 отделение милиции, где подвергли унижительному допросу. «Ну как вам понравились жидовские картинки? — усмехался дежурный сержант. — Еще раз попадете к нам — лишитесь работы!» Это — искусствоведа. А студентам Московского университета пригрозили, что не дадут защитить дипломы. Когда начали допрашивать Оскара Рабина, то он отказался отвечать на вопросы и спросил, по какому праву всех задержали и привезли в милицию. Сержант промолчал. А из глубины полутемной комнаты раздался голос человека в штатском: «Сахаров и Чалидзе тоже много о правах говорят, только советское государство не очень-то их слушает». В СССР даже

школьникам понятно, что милиция так не разговаривает. Столь свободно высказываются лишь гебисты.

Все акции КГБ и послушной ему милиции показывали, что художников хотят лишить возможности не только выставляться, но и свободно творить.

Однако откровенные угрозы неожиданно возымели обратное действие. Нонконформисты, давно испытывающие ностальгию по контакту с отечественным зрителем и возмущенные полицейским произволом, не только не отступили, но, решив, что терпеть дальше невыносимо — задумав, — отправили 2 сентября 1974 года в Моссовет письмо, уведомляя городские власти о том, что 15 сентября на одном из пустырей Москвы организуется первый осенний показ картин на открытом воздухе.

Столь малопривлекательное место, как пустырь, мы избрали по простой причине: экспозиция картин на площади, улице или набережной может быть легко расценена в соответствии с советским законодательством как «нарушение общественного порядка». На пустыре же ни люди не ходят, ни машины не бегают, поэтому нарушить порядок невозможно.

Бедные чиновники Моссовета во главе с Сухиничем долго ломали головы, что бы им такое придумать для запрещения экспозиции. Но ни в уголовном кодексе, ни в инструкциях, увы, ничего не говорилось о выставках на пустырях и методах борьбы с ними, и посему, вызвав 5 сентября к себе инициаторов, Сухинич и его коллеги только

отговаривали художников от затеи. Не запрещали, не разрешали, а не рекомендовали. Но к рекомендациям можно прислушиваться, а можно и нет. Поэтому художники напечатали на машинке и разослали своим советским и зарубежным друзьям приглашение приехать 15 сентября к 12 часам дня на первый осенний просмотр картин на открытом воздухе, который состоится на пустыре возле скрещения улиц Профсоюзной и Островитянова (юго-западная окраина Москвы).

К этому просмотру его участники готовились очень серьезно как с точки зрения отбора холстов (чтобы власти не прицепились к тематике, усмотрев в них антисоветчину), так и с точки зрения организации выставки. Все понимали, что могут быть предприняты различные попытки сорвать экспозицию (правда, до возможностей фантастического использования бульдозеров против картин никто не додумался), и поэтому мы приняли такой план: часть художников ночует рядом с выбранным пустырем на квартире у математика Виктора Тупицына. Кроме того, что эту группу участников трудно было перехватить по дороге, в ее задачу входило наблюдать за пустырем и, если на нем с утра начнутся какие-то работы, то сообщить по телефону на Преображенку, где в квартире Оскара Рабина сосредоточились почти все остальные живописцы (только трое или четверо добирались до места самостоятельно).

Когда в 10 часов утра мы услышали, что на пустыре покой и тишина, то стали неторопливо собираться в дорогу. Оптимистично настроенный О. Рабин говорил: « Вот увидишь, все будет хоро-

шо. Тебе не придется выступать в нашу защиту». Дело в том, что за две недели до просмотра было решено, что я остаюсь все время в тени и выступаю активно лишь в случае расправы с художниками. Человек двенадцать — мы благополучно добрались до конечной станции метро Беляево-Богородское с картинами и треножниками в руках. И здесь, на станции, Рабин и я были задержаны работниками милиции. Остальные как ни в чем не бывало (мы заранее договорились, что если кого-нибудь задержат, то реагировать на это не следует) пошли дальше. Оскара же и меня завели тут же на станции в комнату, где сидели милиционер и невзрачного вида юноша в штатском. Нас попросили предъявить документы и обвинили в ограблении не известно кого. Мы попытались пробиться к выходу, но безуспешно. Правда, минут через 15 нас отпустили, сказав, что настоящих грабителей нашли.

А было уже за 12 часов. Мы ускорили шаг и, опоздав на 10 минут, прибыли на пустырь. Перед нами предстало сюрреалистическое зрелище. Какие-то люди в штатской одежде набрасывались на художников, выламывали им руки, вырывали холсты и швыряли на самосвалы, которые сразу же уезжали. Три бульдозера, словно танки, неспеша передвигались по пустырю. На другой стороне улицы около пятисот зрителей (как сообщали потом зарубежные газеты) словно замороженные наблюдали за происходящим. Мы, пробиваясь сквозь толпу, бросились на пустырь. Рабин раскрыл картины, стараясь показать их зрителям. И тут случилось невероятное: разъ-

На выставке 15 сентября 1974 г.

*) Эта и последующие фотографии — из архива А. Глезера («Русский музей в изгнании в Монжероне»).

созданная 15 сентября 1976 г.

ярившийся бульдозерист сначала раздавил машинной холсты, а затем двинулся дальше. Рабин висел на верхнем ноже, подогнув ноги, чтобы нижним их не отрезало. На помощь отцу бросился сын. Кто-то из милиционеров остановил бульдозер. Отца и сына бросили в милицейскую « Волгу » и увезли.

Художница Эльская попыталась показывать свои картины, взобравшись на широкого диаметра железную трубу. Но оттуда ее сбросили дюжие молодцы в штатском. Они же задерживали наиболее активных зрителей, пытавшихся помочь художникам, выбивали зубы иностранным журналистам, осмелившимся фотографировать увиденное, поднимали красный плакат « Все на субботник ! » (было воскресенье) и под конец, когда остатки зрителей и художников отступали под напором ледяных струй, направляемых поливальными машинами, — разожгли победный костер и сожгли на нем три картины. Попытки художников и автора этих строк остановить « бульдозерное побоище » оказались безуспешными. Мне удалось прорваться к руководившему операцией заместителю районного Совета депутатов трудящихся Петину, но он на требование остановить погромщиков реагировал примерно так же, как лейтенант 120 отделения милиции Авдеенко, два часа спустя заявивший Евгению Рухину : « Стрелять вас надо ! Только патронов жалко ».

В тот же день мы узнали, что люди в штатском, кричавшие, что они рабочие, пришедшие на субботник, и расправлявшиеся с художниками, — на самом деле являются милиционерами. В 100 и

Работа Ю. Жарких « Женский портрет », сожженная 15 сентября 1976 г.

120 отделениях милиции Москвы, куда доставили арестованных художников и зрителей, висели приказы, в которых пофамильно указывалось, кто из милиционеров должен был, переодевшись в штатское, разыгрывать роль оскорбленных и разъяренных рабочих на злополучном пустыре, вошедшем отныне в историю русского изобразительного искусства.

Итак, поставленная передо мной задача — включиться, если что-нибудь произойдет с участниками выставки, стала реальностью. Действовать надо было немедленно, так как всех арестованных собрались судить на следующий день и только активное вмешательство извне могло предотвратить расправу над художниками. Поэтому, вернувшись домой, я начал тут же звонить иностранным корреспондентам, приглашая их на пресс-конференцию на мою квартиру. Назначили мы провести ее за два часа до судилища. Уже с раннего утра 16 сентября дом окружили гебисты. Четыре их машины откровенно дежурили во дворе. Одна стояла прямо под окнами, и из нее фотографировали всех входивших в подъезд.

К 11 приехали художники Алексей Тяпушкин (Герой Советского Союза, член Союза художников СССР, возмущенный погромом и присоединившийся к нонконформистам), Владимир Немухин, математик Виктор Тупицын, которого накануне арестовали, по дороге избивали ногами и ночью выпустили, оштрафовав на 20 рублей. Юрий Жарких у меня ночевал.

Мы четверо сидели в ожидании журналистов,

и последний час тянулся необыкновенно медленно. Никто из нас не знал, дадут провести пресс-конференцию или нет. Неожиданно в 11.40 раздался стук в дверь. Из квартиры Оскара прибежал дежуривший там у телефона приятель и сообщил, что звонил известный агент КГБ Виктор Луи, который сказал, что « по физическим причинам пресс-конференция, очевидно, не состоится ». Скорее всего Луи просто шантажировал нас. Так и оказалось. Через несколько минут один за другим начали появляться журналисты. В восемнадцатиметровой комнате собралось более тридцати человек. Художники подробно рассказали о событиях, о том, что они видели и пережили сами, и потом зачитали наше открытое письмо в Политбюро ЦК КПСС, отправленное накануне вечером. В нем мы выражали протест против побоища, учиненного карательными органами, требовали освобождения арестованных художников и наказания виновных за бульдозерное безумие.

К концу пресс-конференции прибежал запыхавшийся, грязный, в порванном пальто и рубашке (разорвали, когда волочили по земле в милицескую машину) Евгений Рухин. Сообщил, что его и Рабина оштрафовали на 20 рублей каждого за нарушение общественного порядка. Правда, и он и Оскар платить отказались, но их тем не менее отпустили. А более молодых — Александра Рабина, Надежду Эльскую и фотографа Владимира Сычева осудили по тому же обвинению на пятнадцать суток отсидки. Забегая вперед, скажу, что Эльскую освободили в тот же день вечером, и прокурор даже извинился перед ней за грубость

милиции, а В. Сычева и А. Рабина продержали в камере по три дня и тоже освободили. Уж слишком большой шум подняла зарубежная пресса и единодушным оказалось возмущение международной общественности.

Вечером же 16 сентября мы с Оскаром написали открытое письмо-обращение в адрес Советского правительства, отослали его и тут же передали текст корреспондентам. Основным в этом письме было решение художников через две недели, 29 сентября, вновь выйти на тот же самый пустырь с картинами. Столь неожиданного удара власти не предвидели и, повидимому, растерялись. 17 сентября утром ко мне приехал посланец Лубянки лейтенант Сергей Леонидович Ильин (тел. : 224 20 43) и стал убеждать меня, что КГБ ничего не знало ни о выставке 15 сентября, ни о готовящихся к бою бульдозерах. Приехали, мол, только к концу событий. Неуклюжая и грубая ложь! Выходит, что на окраину Москвы помчали автомобили с дипломатическими и журналистскими номерами, и впервые в жизни гебисты за ними почему-то не последовали. Чушь конечно! Однако раз товарищ Ильин какую-то игру ведет, так и мы поиграем. Не спорю, не соглашаюсь, а вроде бы принимаю им сказанное к сведению. И тут он меня удивляет: обращается с просьбой организовать встречу Оскара Рабина с гебистом рангом повыше Вячеславом Михайловичем (тел. : 224 25 71). Я посоветовал Ильину самому обратиться к Рабину, но лейтенант отнекивался, говорил, что неудобно. В конце концов я обещал спросить у Оскара, как он относится к идее такой встречи, и

Погибшая под бульдозером картина Рабина « Деревня »

сказал Ильину, чтобы он через два часа позвонил мне по рабиновскому телефону.

Оскар после длительного раздумья решил принять гебиста, дабы выяснить, что готовят власти, и продемонстрировать им нашу твердость. Вечером сидим втроем в маленькой комнате. Вслед за Ильиным Вячеслав Михайлович повторяет, что, дескать, КГБ ни при чем. Милиция же и районные руководители наказаны (позже мы узнали, что начальника отделения милиции то ли сняли с работы, то ли дали ему строгий выговор, а первого секретаря райкома партии Чаплина освободили от должности и отправили в почетную ссылку — послом во Вьетнам). А гебист продолжает, что им, мол, важно было бы понять, чего хотят художники — выставки или скандала? Оскар в резкой форме отвечает, что в письме к Советскому правительству художники недвусмысленно написали, что намереваются провести выставку, а кому нужен скандал — виднее КГБ. Визитер говорит, что выставка — вещь возможная, но просит, чтобы никто не узнал о его приезде и высказываниях. Не желая очутиться как бы в роли его сообщников, мы отказываемся что-либо обещать. Гебист удаляется. А в соседней комнате сидят художники — жаждут услышать, с чем являлся посланец Лубянки. Не называя его имени, передаем сущность разговора. Настроение у всех бодрое. Никто не думает отступить — скорее наоборот. Да, не ждали такого поворота событий власти. Ох, как им не хочется, чтобы мы снова шли с картинами на пустырь! А тут перед ними наш ультиматум. За рубежом бульдозерный

погром попал на первые полосы всех газет. И времени на размышления у бюрократического аппарата явно маловато.

Повидимому наверху были разногласия. 18 сентября по каналам англоязычной службы (это означало, что оно не может быть использовано советской прессой) было передано заявление ТАСС, подписанное Константином Андреевым. В заявлении выставка именовалась « дешевой провокацией » и утверждалось, что ее вдохновители « попросту стремились вызвать антисоветскую сенсацию. Именно поэтому они предупредили о выставке дипломатов и журналистов, которые и оказались своевременно в указанном месте, восполнив недостаток почитателей у художников среди своих соотечественников ».

20 сентября газета « Советская культура », орган ЦК КПСС, опубликовала письмо « разгневанных » « участников субботника », которые возмущались поведением каких-то мазил-художников, не давших им работать. Казалось бы, над нами стужались тучи. Но в тот же день нас пригласил к себе заместитель председателя Моссовета Н.Я. Сычев. Мы отправились к нему большой компанией : Оскар, я, Алексей Тяпушкин, надевший по нашей просьбе звезду Героя Советского Союза, Юрий Жарких, Надежда Эльская, Александр Рабин, Вадим Комар и Александр Меламид. Хозяин просторного кабинета представил нам чиновников (первого заместителя председателя Управления по делам культуры Моссовета Михаила Шкодина, второго заместителя того же председателя Прасковью Ивановну Шлыкову, работника

Моссовета Н. Сухинича, командующего побоищем 15 сентября заместителя председателя Черемушкинского райисполкома Петина) и предложил начать переговоры о выставке. Мы выразили удивление: зачем, дескать, если с нами хотят вести переговоры, помещают о нас в прессе клеветнические статьи? Петин бросился доказывать, что, действительно, художники сорвали субботник (в воскресенье?!). Их же никто не трогал, картин не уничтожали и вообще бульдозеров не было. Мы отвечали смехом и язвительными замечаниями. Попытки Сычева пожурить по-отцовски и нас и Петина и вроде бы миром окончить дело проваливались на глазах. Он взмолился: зачем вспоминать старое! До 29-го дней остается мало. Давайте говорить о выставке. Он категорически высказался против пустыря как места ее проведения и, предложив «все хорошенько обдумать», сообщил, что переговоры с нами будет вести Шкодин. По возвращении домой я обзвонил корреспондентов и информировал их о предложении Моссовета. И уже вечером мы слушали об этом сообщения «Би-Би-Си», «Голоса Америки» и «Немецкой волны». Прекрасно! Гласность — наше главное оружие. Против танков, то бишь бульдозеров, КГБ, милиции и лживой советской прессы у нас только гласность. Вроде бы и не густо, но, как показали события, это весьма действенное оружие.

Однако, видимо, наша постоянная связь с корреспондентами особенно раздражала власти, и потому очередная их акция была направлена против меня. В субботу поздно вечером двое молодых

одинаково, словно близнецы, одетых мужчин встречают меня у дверей моей квартиры и, употребляя всевозможные нецензурные выражения, обещают выколоть мне при следующей встрече глаза, чтобы я «больше не виде этих картин». А на другой день, когда около 12 часов ночи я прогуливался вокруг дома, на меня набросились четыре молодчика, заткнули кляпом рот, привязали к дереву, надавали пощечин, наплевали в лицо и как ни в чем не бывало ушли.

Стало ясно, что дальше молчать невозможно. Решили, что испугался первых угроз, раз никому из корреспондентов ничего не сообщил, и вот, пожалуйста, усилили нажим. Наутро звоню от Оскара в КГБ и говорю, что их провокации окончатся скандалом. Но, оказывается, они и слыхом не слыхали о происшествии. Бедняги! И о выставке не знали, и теперь не в курсе дела... Михаил Вячеславович просит не горячиться и высказывает предположение, что надо мной глумились обозленные художники-реалисты. Потешная отговорка. Но черт с ними, с гебистами. Главное, мы их предупредили, что отмалчиваться больше не будем.

В понедельник 23 сентября едем к Шкодину. В нашей инициативной группе Немухин, Тяпушкин, Эльская и я. Рабин не поехал. Сказал, что выслушивать снисходительно-барственный тон зампреда председателя свыше его сил. Шкодину помогают Шлыкова и Сухинич.

Долгое время обсуждаем место проведения выставки: набережная, парк, какая-нибудь улица? Соглашаемся на парк, предпочтительно Измайлов-

ский, имеющий большую лесопарковую зону, с просторными зелеными полянами. Шкодин настаивает на том, чтобы в выставке участвовали только москвичи. Мы не соглашаемся исключить из числа участников ленинградцев Жарких и Рухина, да и вообще выступаем против каких бы то ни было ограничений. Только гарантируем, что антисоветских и порнографических произведений никто демонстрировать не собирается. Противная сторона требует также не выставлять картин религиозного содержания.

И еще Шкодин предлагает устроить выставку не в воскресенье, а в субботу 28 сентября. Если мы не возражаем, то на завтра можно поехать в Измайловский парк и подобрать подходящее место. В принципе мы не против, но говорим, что обязаны посоветоваться с остальными художниками. Он недоволен, однако мы упорно стоим на своем. И слава Богу, ибо Оскар и слушать не захотел о переносе выставки. Не приводил никаких доводов, а руководствовался интуицией: мол, не знаю, в чем дело, но то, что выгодно Шкодину, не выгодно нам. И не ошибся. Как выяснилось впоследствии, у властимущих был свой расчет. В субботу студенты учатся, преподаватели работают, так что не собралось бы и половины зрителей, пришедших на выставку 29 сентября.

Во вторник наш отказ от субботы вызывает у Шкодина негодование. Ему поддакивает новый персонаж — председатель Объединенного горкома художников-графиков Москвы Владимир Михайлович Ащеулов. Часть нонконформистов, в том числе Рабин и Немухин, члены его организации,

и Ащеулову поручено принять участие в организации экспозиции, то-есть всячески пакостить нам и помогать Шкодину. Но их объединенные усилия, поддержанные Шлыковой, сводятся нами на нет. « Не хотите выставки — не надо! » — восклицает Шкодин. « Что ж, в таком случае мы выйдем на пустырь », — откликается Рабин. Этого барственный сановник боится больше всего.

Это испортит ему карьеру. И вот мы уже едем в парк. Но там наши переговоры заходят в тупик, так как деятели культурного фронта над нами явно издеваются: то предлагают проводить выставку во дворике при парковой столовой, то в роце, то на маленькой да еще пересеченной оврагом поляне. Рабин выходит из себя и уезжает. Чиновники не скрывают радости. Авось, без него мы будем податливее. Но мы отказываемся от всех сомнительных предложений и говорим, что лучше подберем завтра подходящее место сами, а потом покажем им. Так и поступаем. В среду утром находим огромное зеленое поле и сообщаем об этом Шкодину. Поглядев на него, он задумывается. И вновь вставляет палки в колеса. Объясняет, что это, мол, не парковая зона Измайлова, а лесопарковая и ее директор Управлению культуры Моссовета не подчиняется. Доходит до прямого столкновения. Наши нервы на пределе. Мы заявляем, что если до шести часов вечера не получим положительного ответа, то информируем друзей и западных корреспондентов, что Шкодин сорвал переговоры и мы выходим с картинами на пустырь. Рабин вслух сожалеет, что подавал Шкодину руку.

Едва добираемся до Оскара, как я пристраиваюсь у телефона и набираю номер за номером: « Нью-Йорк Таймс », « Агентство Рейтер », « Би-Би-си », « Мوند », « Немецкая волна »... И в 17.55 — звонок. Шкодин сообщает, что подписал приказ о разрешении выставки в Измайлове 29 сентября с 12 до 16 часов. Но на этом приключения не кончаются. Сначала он отказывается показать нам приказ, а на следующий день, показав, не разрешает снять с него копию, хотя об этом было предварительно договорено. Не водят ли нас за нос? Не является ли приказ липой? Разозленные покидаем Управление. Рабин настаивает идти 29-го на пустырь. Мы его от этого отговариваем, но тщетно. Внезапно меня осеняет: я звоню Шкодину и спрашиваю: « Если с вами свяжутся зарубежные корреспонденты, вы ознакомите их с приказом? » Он, заикаясь, выдавливая: « Д-да... » И тут же я набираю знакомые номера и прошу журналистов звонить Шкодину. Пусть он им подтвердит свое разрешение.

В тот же день к нам присоединилось более пятидесяти молодых, еще совсем неизвестных живописцев. Они пришли в Горком художников с тем, чтобы принять участие в выставке, но Ащеулов убоялся ответственности и переложил отбор картин на художников. Мы выполнили эту работу. Теперь нас было свыше семидесяти человек. Сила!

Будучи уже не в состоянии отменить выставку, власти тем не менее попытались в последний момент нагадить. Накануне экспозиции, окрещенной

нами Вторым осенним просмотром на открытом воздухе, Н.Я. Сычев организовал в Доме журналистов пресс-конференцию. Он упрекнул корреспондентов в ступени красок при описании «бульдозерного безумия» и сказал, что в Измайлове художники покажут картины лишь друзьям и пропускать на выставку будут лишь по приглашительным билетам. Около полуночи стало известно, что наше поле окружили стояками и прочими заграждениями, за ближайшим леском вновь стоят бульдозеры и поливальные машины, а комсомольский актив Московского университета собирали на секретный инструктаж по поводу выставки. Тогда в 12 часов ночи Рабин зачитал корреспондентам по телефону заявление, в котором художники предупреждали, что в случае лимитирования входа на выставку и каких-либо провокаций они поставят на мольберты работы, через десять минут унесут их, но спустя десять дней снова придут в Измайлово с картинами. И властямущие смирились с поражением! И чудо неподцензурной выставки свободного искусства в несвободной стране совершилось.

29-го сентября в течение четырех часов более семидесяти художников показывало десяти или пятнадцати тысячам зрителей около двухсот пятидесяти картин. Это было необыкновенное зрелище! Это была победа силы духа над грубой силой тоталитарного режима! Это была победа не только художников, но и той русской многострадальной интеллигенции, которую более полувека истребляли коммунисты, но которая не сдалась, и теперь, через две недели после разгула

бульдозеров, открыто демонстрировала свои симпатии к бунтовщикам !

Естественно, все понимали, что рано или поздно власти перейдут в контрнаступление. Однако и мы не собирались останавливаться на достигнутом. В первых числах октября подали Ащеулову заявление с просьбой предоставить нам в декабре помещение для проведения новой выставки (то же самое сделали и ленинградские художники, подавшие соответствующее заявление в Ленсовет). Ащеулов обещал подумать, иными словами посоветоваться с кем следует, и предложил зайти к нему через месяц. Мы согласились. И одновременно Ю. Жарких, Е. Рухин, В. Комар, А. Меламид и я, то есть те, у кого погибли картины во-время «бульдозерной» экспозиции, обратились в суд с требованием компенсировать нам стоимость уничтоженных работ. Естественно, власти не хотели допускать процесса, на котором неизбежно вспомнят о сожженных картинах, избитых художниках, дипломатах и журналистах. Поэтому судья Алешин, судивший, кстати, арестованных 15 сентября художников, сначала отказался принять наш иск. Но когда я предупредил, что предам дело гласности, то он скрепя сердце согласился рассмотреть наши бумаги.

Не сидело сложа руки и начальство. Художники надеялись, что оно еще долго не раскочует, заседая на разных уровнях (КГБ, МК, ЦК), но, очевидно, на сей раз наверху разногласий не было. Посему карательные органы действовали быстро и решительно. Двух участников Измайловской официально разрешенной выставки забрали

в армию и услали на Алтай, трех отправили в психиатрические больницы, от многих милиция потребовала скорейшего трудоустройства — иначе, мол, осудим как тунеядцев. Причем, если вначале угрожали лишь молодым, почти неизвестным живописцам, то немного спустя не постеснялись обратиться с тем же и к Лидии Мастерковой, чьи картины уже неоднократно демонстрировались на выставках в США, Франции, Италии, Швейцарии, ФРГ и т. д. К художнику Сергею Бордачеву милиция и «искусствоведы в штатском» (так в СССР называют гебистов, которым поручен надзор над искусством) ворвались поздно вечером. Под угрозой отправки в сумасшедший дом его заставили подписать заявление о том, что отныне он не будет участвовать ни в каких выставках. Художника Александра Калугина в отделении милиции заставили расписаться в том, что он больше не станет писать абстрактных полотен.

В бой вступила и пресса. В удивительно короткий промежуток времени газета «Вечерняя Москва» опубликовала две статьи: 18 октября Народного художника СССР Ф. Решетникова «Летопись жизни народной», а 23 октября некоей Н. Рыбальченко «Как рассеялся мираж». В первой из них автор, воспевая достижения советской культуры, лишь в заключение вспоминает о выставке в Измайловском парке. «Был у нас Кандинский, — пишет Народный художник, — ломали мы голову над черными и белыми квадратами Малевича. Все это было. Но все прошло, как детская корь. Хотя порою рецидивы забытых болезней встречаются». И дальше идет

ругань в адрес нонконформистов. Их искусство объявляется буржуазным и антинародным. Вторая же статья целиком посвящена экспозиции в Измайлове. Н. Рыбальченко бранила участников выставки почему зря: одни из них — примитивные непрофессионалы, другие — формалисты-трюкачи, третьи — злоумышленники, враждебные советской действительности. А в общем работы неофициальных художников духовно немощны и их выступление — идейно-порочное мероприятие, « продиктованное враждебным отношением к русской национальной культуре ».

Можно было бы, конечно, не обращать внимания на газетный лай. Но ведь давным-давно все мы поняли, что каждый раз наше молчание воспринимается начальством как страх, как трусость, как наша готовность сдаться. Поэтому я и решил послать в « Вечернюю Москву » открытое письмо. Открытое, ибо все равно не напечатают и не ответят (как не ответили на письмо жены художника Ламма и письмо группы зрителей, возмущенных статьей Рыбальченко), а в КГБ передадут. Так пускай уж прозвучит! Послав письмо в газету, я через день передал его шефу-корреспонденту « Нью Йорк Таймс » Хедрику Смитту и другим иностранным журналистам.

А власти между тем затеяли хитрую игру. В суде*), в Горкоме художников, в Управлении культуры Моссовета с нами вели затяжные, по-

*) Алешин в первых числах декабря наконец объявил, что вскоре назначит слушание дела. Но в связи с моей эмиграцией оно так и не состоялось.

рою даже с улыбками переговоры. В ноябре группе левонастроенных членов МОСХа дозволили (они много лет тщетно добивались этого) показать свои произведения в залах Союза художников. Впервые на ежегодной отчетной выставке Горкома художников Москвы в ЦДРИ показали картины нонконформистов : О. Рабина, В. Немухина, Л. Мастерковой, Д. Плавинского и О. Кандаурова (правда, их немедленно вновь обругала пресса и снова мне пришлось посылать в « Вечернюю Москву » открытое письмо).

Но одновременно с этими выставками и фальшиво-дружелюбными улыбками работников Управления культуры карательные органы разворачивали кампанию травли и запугивания тех, кто добивался новых выставок, не желая считать измайловские четыре часа свободы лишь случайным эпизодом, оплатой векселей за непродуманно использованные бульдозеры. Гебисты приставали на улице к художнице Надежде Эльской, милиция остановила при выходе из моего дома и подвергла многочасовому допросу художника Дмитрия Плавинского, в здании суда милиционеры грубо задержали члена постоянной инициативной группы художников Юрия Жарких (эта группа была создана после измайловской экспозиции и в нее вошли Е. Рухин, А. Рабин, Ю. Жарких, А. Глезер). И, наконец, 12-го ноября рано утром два работника КГБ, капитан Белов и старший по чину, но отказавшийся его назвать Новиков, явились ко мне на квартиру и увезли меня на Лубянку. Там на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 25 декабря 1972 года

мне было сделано, так называемое, официальное предостережение. Я обвинялся :

1. В организации провокационных выставок.
2. В передаче клеветнической информации западным корреспондентам.
3. В шантаже судьи Алешина в связи с тем, что я обещал ему предать дело гласности, если он не примет наш иск (вот она независимость советского суда, передающего материалы в КГБ !).
4. В создании антиобщественных ситуаций (никто не знает, что это такое), которые позволяют иностранным журналистам клеветать на Советский Союз.
5. В распространении песен Галича в Тбилиси в 1965 (!) году.

Капитан Белов предупредил меня, что, если я не прекращу организовывать выставки и не порву контактов с западными журналистами, то буду отдан под суд за антисоветскую деятельность и предостережение будет для суда одним из официальных документов.

В ответ на такой откровенный шантаж я организовал у себя на квартире через три дня пресс-конференцию, в которой наряду со мной приняли участие Оскар Рабин, Юрий Жарких и художница Светлана Маркова, чей муж, молодой живописец Александр Пеннонен, после выставки в Измайлове был помещен в психиатрическую больницу. На следующий же день после пресс-конференции, где мы все говорили о травле КГБ участников и

организаторов сентябрьских экспозиций, его выпустили на свободу. А едва пресс-конференция окончилась, к Рабину без предупреждения пришла якобы от Союза художников девица, назвавшаяся Ланской, и сказала, что с художниками все будет в порядке, что выставки в декабре состоятся. « Вас мы купим, а Глезера ликвидируем », — добавила она. Удивительное заявление от представительницы художественной организации !

Но неожиданно для властей московские нонконформисты отказались от проведения в декабре выставки, хотя уже получили на нее разрешение Управления культуры Моссовета. Свой отказ они мотивировали тем, что в то время как чиновники одного ведомства — Моссовета — с ними заигрывают, другие организации их преследуют. « В такой обстановке мы организовывать выставку не желаем », — заявил от лица художников Оскар Рабин.

Между тем наверху, видимо, окончательно созрело решение : прежде всего следует расправиться с активистами. И начали с меня с тем, чтобы попутно уничтожить « живописный Самиздат » — так окрестили мою коллекцию гебисты. Последние 12 декабря и ворвались ко мне в квартиру в 8 утра. Восемь с половиной часов длился обыск, в ходе которого были изъяты уже готовая рукопись данной книги, книги, изданные на Западе, в том числе Евангелие, магнитофонные записи бесед с художниками и т. д. После этого старший лейтенант, старший следователь КГБ Н.В. Грошевень предъявил мне ордер на задержание в качестве свидетеля по делу спекулянтов антисоветской

литературой, и меня доставили на Лубянку, где на протяжении более шести часов допрашивали. В тот же день газета «Вечерняя Москва» опубликовала обо мне фельетон «И все-таки двойное дно»*), в котором я обвинялся во всех смертных грехах и, конечно, в антисоветской деятельности. Допросы на Лубянке продолжались еще два дня, но довольно быстро стало ясно, что сажать меня не собираются, а хотят, чтобы я эмигрировал. Начальник следственного отдела КГБ Москвы и Московской области полковник Коньков так прямо и сказал: «Или уезжайте на Запад, или будем судить за антисоветскую деятельность и попадете в лагерь».

Не для данной книги все перипетии, связанные с моим отъездом из СССР, но следует отметить, что устранение одного из организаторов выставок не помогло властям решить проблему неофициальных художников. В Ленинграде с 22 по 26 декабря состоялась выставка нонконформистов во Дворце культуры имени Гааза. В ней приняло участие 50 художников. А едва она закончилась, московские и ленинградские живописцы провели на квартире Оскара Рабина пресс-конференцию, на которой сообщили журналистам, что намереваются организовать совместную экспозицию.

Естественно, такая консолидация никоим образом власти не устраивала, и московские чиновники от культуры тут же совершили ответный ход.

*) Первый фельетон обо мне, опубликованный «Вечерней Москвой» 20 февраля 1970 года, назывался «Человек с двойным дном».

Предложили организовать в срочном порядке выставку только москвичей (расколоть их и ленинградцев), только наиболее известных (отколоть от старой гвардии около полусотни молодых живописцев, вышедших в сентябре на поляну Измайловского лесопарка). Она открылась в павильоне пчеловодства Выставки Достижений Народного Хозяйства 18 февраля. Но еще за четыре дня до этого 99 художников из Москвы, Ленинграда, Тбилиси, Владимира и Пскова отправили министру культуры СССР Демичеву открытое письмо, в котором требовали устроить общую выставку, независимо от места жительства, возраста и известности ее участников, без какого бы-то ни было жюри, со свободным доступом всех желающих ее посмотреть.

Операция «раскол», как и операция «Умиротворение», не удалась. Однако и вновь отступать перед антисоцреалистами в тот момент никто не собирался, и окончательного решения, как с ними разделаться, тоже никак не отыскивалось. Во всяком случае министр на письмо не отвечал, а в газете «Вечерняя Москва», видимо специализировавшейся по неофициальному искусству, 10 марта появилась статья главного редактора журнала «Творчество» Ю. Нехорошева, которая высмеивала модернистов и наклеивала на них уничижительные ярлыки.

И все-таки в этой угрюмой статье проглядывал луч света. Нехорошев писал, что иногда подобные картины необходимо показывать широкой публике, чтобы она сама воочию убедилась бы в том, что король голый. Долгожданная мысль! Ни о

чем другом художники и не мечтают. Именно этого они добивались двадцать лет. Ругайте, критикуйте — только позвольте общаться со зрителем. Да неужто наступили времена новой культурной политики? Очевидно, что так. Иначе, кто бы пропустил такое в печать? Оптимисты уверяли, что идея Нехорошева наверняка одобрена лично товарищем Демичевым, а, значит, можно ожидать положительного решения вопроса о все-союзной выставке модернистской живописи.

Но надежды оказались напрасными. Министр на письмо попрежнему не отвечал, и вскоре стало ясно, что «Вечерняя Москва» просто напросто поиграла в демократичность. Тогда в знак протеста художники нескольких городов устроили в конце марта длившиеся неделю экспозиции в Москве на семи частных квартирах. Через месяц вновь повторили этот эксперимент, а на 25 мая наметили провести в Ленинграде показ картин на открытом воздухе. Но если «квартирные выставки» власти, сжав зубы, еще стерпели, то развернутую публичную демонстрацию модернистских работ они решили не допустить ни при каких обстоятельствах. И не допустили. На сей раз методику усовершенствовали. Обошлись без бульдозеров. За неделю до предполагаемого показа орган столичного Горкома партии «Московская правда» напечатала статью искусствоведа И. Горина под ставящим все точки над *i* заголовком: «Третьего пути нет». Обозвав нонконформистов «шарлатанами от искусства», автор с апломбом восклицает: «Когда сопоставляешь, с одной стороны, профессионально слабые работы, бездарную

мазню, пошлость, претензии на новое слово в искусстве, а с другой — хвалебную буржуазную информацию в адрес советских « авангардистов », то становится совершенно очевидно, что речь идет не об искусстве и не о свободе творчества, но о политике, о борьбе двух идеологий — коммунистической и буржуазной ». Эта мысль красной нитью проходит через всё сочинение Горина : « Многие из так называемых « авангардистов » хотят отмежеваться от идеологии и избрать некий третий путь. Но такого пути нет, как очевидно сегодня всякому (каждый раз все у партийных писак очевидно и в доказательствах не нуждается, и вообще да здравствует привычный большевистский лозунг : кто не с нами, тот против нас ! А.Г.), у них не невинные игры в « чистое искусство », а по существу активная проповедь буржуазной идеологии ». И вывод : « Нельзя допускать, чтобы под видом новаторства к нам проникала враждебная идеология ». Итак, никаких выставок. Апробированная, оправдавшая себя линия без примесей гнилого либерализма. Нет — и все.

Чтобы выступление И. Горина не выглядело пустопорожней болтовней, были приняты и практические меры. Прежде всего Оскара Рабина, безусловного лидера нонконформистов, единственного человека, способного в трудную минуту сплотить если не всех, то многих живописцев, исключили из Объединенного Горкома художников-графиков Москвы. Это означало, что его в любую минуту могут объявить тунеядцем, то-есть нигде не работающим паразитическим элементом, которого нужно насильственно, через суд, трудо-

устроить, дабы таким путем лишить возможности свободно творить.

Александр Рабину сначала прислали анонимное письмо, угрожая убить, если повезет картины на ленинградскую выставку. Потом его взяли на медицинское переосвидетельствование с тем, чтобы услатить на два года в армию, хотя по состоянию здоровья он был от нее давно освобожден (при переосвидетельствовании освобождение, конечно, ликвидировали и признали молодого Рабина годным для прохождения службы в Советской армии).

Не теряли времени зря и хозяева Ленинграда. Членов инициативной группы ленинградских модернистов Юрия Жарких, Александра Леонова и Владимира Овчинникова вызвали в местный « штаб » КГБ и предупредили, что каждый, кто осмелится 25 мая выйти с картинами на улицу, будет осужден в соответствии с § 3 190 статьи Уголовного кодекса — « Проведение массовых мероприятий без ведома властей ». Ослушников обещали осудить на три года лагерей. Тем не менее 25 мая несколько смельчаков попытались осуществить задуманное, но оперативники были начеку — даже не выпустили художников из квартир.

Казалось бы, органы подавления и принуждения одержали полную победу. И вдруг через неделю сверху объявили, что выставка состоится, но не сейчас, а осенью и откроется 15 сентября 1975 года.

Что можно сказать о столь резком и неожиданном повороте событий? Почему запретили,

устроили очередной скандал, а затем разрешили? Отчего выбрали такую странную символичную дату, как 15 сентября — годовщину бульдозерного погрома в Москве? Трудно ответить на эти вопросы, так как часто отыскать логику в действиях советских руководителей невозможно. Но уместно было предположить, что за три месяца власти надеялись предпринять какие-то определенные шаги: кого-то, например, запугать, кого-то приласкать, так что и на разрешенной выставке мало кто из художников согласится выступать. И, конечно, с этой же целью за месяц до сентябрьских выставок в Москве и Ленинграде журнал «Огонек» поместил на своих страницах обширную статью консерватора и просталиниста, Народного художника СССР академика Налбандяна «Фальшивые ценности абстракционизма», который обдал авангардистов презрением и облил их грязью.

К сожалению, замыслы властимущих увенчались успехом. Общей выставки, за которую боролись авангардисты, не получилось. В Ленинграде, в Доме культуры Невского района, с 10 по 21 сентября экспонировались лишь ленинградцы — 78 человек; в Москве, в двухэтажном павильоне экономики ВДНХ, с 21 сентября в течение 10 дней только москвичи. За бортом остались художники Закавказья, Прибалтики, Владимира и Пскова.

Да и кто принял участие в сентябрьской московской экспозиции? Среди 160 человек всего несколько ветеранов — Оскар Рабин, Олег Целков, Валентина Кропивницкая, Владимир Яковлев.

Остальные — молодежь. Отсутствие старой гвардии, таких мастеров, как Илья Кабаков, Вячеслав Калинин, Владимир Немухин, Дмитрий Плавинский, Владимир Янкилевский и других, во-первых, снизило чисто художественный уровень выставки, что облегчило консерваторам возможность дискредитации движения нонконформистов; во-вторых, показало, что чиновники, добивающиеся раскола авангардистов, наконец вплотную приблизились к желанной цели. Теперь можно было выпустить когти. И когда в феврале 1976 года ленинградские модернисты отправились в Ленсовет, чтобы обсудить проблемы, связанные со следующей экспозицией, им прямо заявили, что, дескать, всё — никаких выставок больше для вас не будет. Идите в Союз художников. Кого туда примут, тот на общих основаниях и сможет показывать картины.

В Москве Горком художников, обещавший организовать при себе живописную секцию и разрекламировавший в среде нонконформистов ее будущую деятельность по организации их выставок, тогда же отказался от всех своих обязательств.

Правда, через три месяца Горком все же провел с 11 по 17 мая 1976 года выставку. Но очень локальную. Всего лишь семерых — В. Немухина, Д. Плавинского, Д. Краснопевцева, А. Харитонова, В. Калинина, Н. Вечтомова, О. Кандаурова. Правда, в конце концов живописная секция при Горкоме художников-графиков была создана и в нее приняли всех нонконформистов, кроме Оскара Рабина и его сына Александра. Правда, чиновники

от культуры торжественно объявили, что неофициального искусства больше не существует. Все художники стали официальными.

Что же все это — тактические маневры советских руководителей, демонстрирующих мировой общественности свой либерализм, или кардинальное изменение культурной политики, отказ от соцреализма как единственно возможного для советских художников творческого метода? Оптимисты надеются, что второе. Пессимисты скептически улыбаются и вопрошают: «Если вы правы, то почему нонконформистов просто не приняли на равных со всеми основаниях в Союз художников, а заготовили для них специальную, как для заклеянных, секцию, которую легко ликвидировать в случае надобности? Почему советская пресса или обходит молчанием их выставки или подвергает их резкой критике? В то же время статьи и письма тех, кому неофициальное искусство нравится, — отклоняются газетами. И почему, наконец, исключение сделано только для москвичей да в меньшей степени для ленинградцев? Россия-то большая! И живописцев, отвергающих соцреализм, в ней более чем достаточно».

Хотя доводы пессимистов кажутся мне серьезными, попробуем забыть о них и взглянуть на нынешнюю ситуацию с иной стороны. Пусть даже либеральность властей лишь тактический маневр — лично я в этом не сомневаюсь, — но сам факт прорыва заговора молчания вокруг нонконформистов — явление безусловно положительное. Они стали показывать работы на Родине. А за это мы и боролись в сентябре 1974 года.

Во всяком случае, надолго или нет, но живописцы-нонконформисты первыми прорвали, казалось бы, несокрушимые бастионы социалистического реализма. Остается посмотреть, как ныне станет реагировать на их выставки советская печать. Хвалить? Невероятно! Это уж полная капитуляция соцреализма. Ругать? Опасно! Ругать — значит, раскрывать двойную игру.

Чего доброго художники взбунтуются, и зрители начнут опять писать открытые письма. Можно, конечно, и просто отмалчиваться, делать вид, что этих ужасных выставок не существует, превратить нонконформистов в художников только на экспорт. Но молчание-то такое будет весьма выразительным. А кроме того, не попробуют ли вдохновленные успехом художников авангардисты поэты, прозаики и композиторы пойти по их пути и пробить в соцреализме очередные внушительные бреши?!

PS : 2 ноября 1976 года в парижском Palais des Congrès открылась выставка «Современное русское искусство», на которой демонстрировались более пятисот работ нонконформистов. 29 октября в дирекцию Palais des Congrès пожаловали третий секретарь и культурный атташе советского посольства в Париже и заявили, что эта выставка — антисоветская провокация. Почему же, дорогие товарищи, выставка ныне официальных, по словам ваших же собратьев по партии, художников — провокация? Родились ли разногласия в друж-

ной семье главнокомандующих советской культурой? Или впрямь правы пессимисты и вся возня с живописной секцией для нонконформистов и все адресованные им посулы действительно лишь тактический маневр, предназначенный для обмана мировой общественности?!

МАТЕРИАЛЫ ПРЕССЫ

Кристофер Рен

РУССКИЕ ГРОМЯТ БУЛЬДОЗЕРАМИ
ВЫСТАВКУ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА

(« Нью-Йорк Таймс » 16.IX.74.)

*Неофициальная выставка на открытом воздухе
рассеяна. — Посетители разогнаны. — Картины
конфискованы.*

Москва, 15.IX. В драматическом столкновении с неконформистским искусством советские власти применили бульдозеры, самосвалы и поливальные машины, чтобы сорвать выставку неофициальной живописи на открытом воздухе, которая должна была состояться сегодня на пустыре.

Толпа в несколько сот человек, где были художники, западные дипломаты, корреспонденты и любопытствующие из близлежащих домов, стала разбегаться, когда на выставку вторглись грузовики и пара бульдозеров, — на выставку, которую художники называли Первым осенним показом живописи на открытом воздухе в Советском Союзе.

Две поливальные машины, обычно применяемые для очистки улиц, преследовали толпу,

которая спаслась бегством на противоположную сторону улицы. Горстка людей забросала грузовики комками грязи.

Три американских корреспондента, женщина и двое мужчин, были избиты молодчиками, которые расхаживали по пустырю, принуждая людей расходиться. Несколько полицейских в форме равнодушно взирали на происходящее и не делали никаких попыток остановить насилие.

Протест направлен в Политбюро.

Казалось, что молодчики действуют организованно; они рвали, топтали картины, более дюжины полотен побросали в самосвалы, завалили землей и увезли. Протестовавших художников били, по меньшей мере пятерых арестовали. Неустановленное число возмущенных зрителей было отправлено в ближайший полицейский участок.

Впоследствии одного зрителя освободили, им оказался Алексей Тяпушкин, который является членом официального Союза художников, он ветеран Второй Мировой войны, орденосец. «Полиция сказала мне, — заявил он, — что все конфискованные картины сожжены».

13 организаторов выставки направили в Политбюро коммунистической партии протест против беззакония, злоупотребления силой и нарушения конституционных прав. Они потребовали расследования дела, возвращения работ и наказания виновных.

За ходом операции наблюдал мужчина в плаще; он представился как официальное лицо исполни-

тельного комитета юго-западного района Москвы. Он подтвердил, что выставка была сорвана, поскольку рабочие пожелали пожертвовать выходным днем, чтобы превратить пустующий участок в «парк культуры». Он назвался Иваном Ивановичем Ивановым, — это имя равнозначно американскому «Джону Доу».

Однако очевидцы сообщают, что после погрома выставки никакие работы не начались. Молодчики, принуждавшие участников и зрителей разойтись, после событий построились и организованным отрядом покинули пустырь.

Американские корреспонденты подверглись нападению, когда они, стоя неподалеку от своих автомобилей, наблюдали за происходящим. Попытка сфотографировать поливальную машину, которая гналась за группой зрителей, привела к тому, что к журналистам подошло несколько молодчиков. Один из них выбил передний зуб вашему корреспонденту, ударив его фотокамерой по лицу. Затем предводитель нанес ему удар в живот, в то время, как другие держали за руки и за плечи. Линн Олсон («Ассошиэйтед пресс») бросилась вперед и закричала насильникам, чтобы они остановились; командир развернулся и изо всей силы ударил в живот и ее. Линн распростерлась на земле. На Майкла Паркса, корреспондента «Балтимор сан», набросился другой молодчик, причем перед носом полицейского, находившегося в двух шагах от описываемой сцены. Рассел Джонс (Американская радиовещательная компания) протестовал. Его начали толкать, но не ударили.

Более двух десятков художников, некоторые из Ленинграда, Пскова, Владимира, привезли свои картины на выставку, которую организаторы называли неофициальной, но и незапрещенной.

Работы нескольких художников, по данным организаторов, выставлялись в Нью-Йорке, Сан-Франциско, Лондоне, Париже и Риме. Однако формального разрешения показать картины в Москве они не получили: они не являются членами Союза советских художников, поскольку их манера не соответствует московской концепции искусства, социалистическому реализму.

Две недели назад организационная группа из 11 художников информировала Моссовет, что они намерены провести показ на открытом воздухе, и просила сообщить в течение недели, имеются ли к тому препятствия. В среду по требованию Моссовета художники представили работы партийным чиновниками для просмотра. В пятницу чиновник Моссовета сообщил, что указанный пустырь свободен и что выставка не будет ни поддержана, ни запрещена.

Но когда художники начали расставлять картины на участке вблизи Профсоюзной улицы, их встретили грузовики, бульдозеры, поливальные машины; художникам приказали убираться.

Атака началась слишком стремительно, чтобы можно было определить командующего, хотя несколько обозревателей в качестве такового называли Книгина, главу идеологического отдела районного комитета коммунистической партии.

На пути подпольного искусства в Советском Союзе всегда вставали трудности. В 1962 году

Никита Хрущев в ходе знаменитой стычки с художниками назвал «мерзостью» официальную выставку, где было несколько работ в абстрактном и других современных стилях. Попытки устроить неофициальные выставки в Москве в 1967, 1969 и 1971 годах были сорваны властями, хотя и без насилия.

Властям нужен «героический оптимизм»

Сегодня картины чересчур быстро мелькнули перед глазами, чтобы составить о них какое-либо представление. Однако работы многих художников известны — модернистские, абстрактные, фантастические по содержанию, поп-живопись и ню, равно как и мрачные сценки на городских улицах, и пейзажи — все это не укладывается в рамки героического оптимизма, которого советские власти требуют от искусства. Вместе с тем Оскар Рабин, известный за границей художник и организатор показа, заявил, что живописцы не выставят работ, которые можно было бы счесть антисоветскими или порнографическими.

Выставка привлекла внимание дипломатов США, Западной Европы, Азии и Латинской Америки. Им пришлось спасаться бегством. Арестованы Оскар Рабин, его сын Александр, Надежда Эльская, Евгений Рухин и Валентин Воробьев. В выставке участвовали также Владимир Немухин, Лидия Мастеркова, Борис Штейнберг, Александр Меламид, Василий Ситников и Игорь Холлин.

МОСКВА : ПЯТЕРО РУССКИХ ОСУЖДЕНЫ
ПОСЛЕ СКАНДАЛА С ВЫСТАВКОЙ

(« Нью-Йорк Таймс » 17.IX.74.)

Москва, 16.IX. Сегодня районный суд приговорил к 15-дневному тюремному заключению и штрафам четверых художников и фотографа по обвинению в мелком хулиганстве и сопротивлении молодчикам, разгромившим выставку на открытом воздухе.

Посольство США направило в министерство иностранных дел протест против незаконного обращения с тремя американскими корреспондентами, которых избивали неизвестные из числа тех, кто командовал бульдозерами, самосвалами и поливальными машинами во время разгрома выставки.

Один русский, доставленный в полицейский участок, впоследствии заявил, что бесчинствовали переодетые полицейские.

Виктор Тупицын (31 год, математик) сказал, что пока он находился под арестом в 90-м полицейском участке, несколько человек прошли во внутреннее помещение в штатском, а вышли в милицеской форме. На доске объявлений участка он увидел записку, предписывавшую « Всему составу в воскресенье утром явиться в гражданской одежде » — подготовка к разгрому выставки очевидна.

Пресс-конференция на дому.

« Мы считаем этих людей преступниками, — заявил Александр Глезер, поэт и коллекционер

живописи, в ходе пресс-конференции, проведенной у него дома. Мы считаем, что властям следует осудить не Оскара Рабина, а тех, кто учинил вчерашние беспорядки». Г-н Рабин — самый известный из осужденных сегодня художников, его полотна часто приобретались иностранными коллекционерами, многие представлены в американских музеях. Другие осужденные — 22-х летний сын Оскара Рабина Александр, Евгений Рухин, ленинградский абстракционист, Надежда Эльская, Владимир Сычев, 29-летний фотограф издательства «Молодая гвардия», выполнявший фотографические работы для художников. Все пятеро осуждены Черемушкинским районным судом по обвинению в хулиганстве, которое заключалось в сопротивлении властям. Оскар Рабин и г-н Рухин оштрафованы на 20 рублей (27 долларов) каждый. Они отказались платить, но тем не менее были освобождены. Приговоры к 15-дневному заключению вынесены Рабину-младшему, также художнику, г-ну Сычеву и г-же Эльской. Однако позднее она была освобождена. Не считаясь с вынесенным приговором, Оскар Рабин объявил, что группа неортодоксальных художников попытается провести показ картин 29 сентября на том же месте.

Робкое признание.

Он сообщил, что обвинение подсудимых в сопротивлении властям является робким признанием того, что молодчики были на деле переодетыми полицейскими.

Г-н Рабин и г-н Рухин вызвали небольшую сенсацию среди дипломатов, когда они появились в мексиканском посольстве. Дипломаты окружили художников — все обсуждали события последних двух дней. Советские чиновники, присутствовавшие на приеме, говорили, что им ничего не известно об инциденте, и смеялись, когда им рассказывали о происшедшем. Управляющий делами Адольф Дабс передал министерству иностранных дел протест американского посольства. Это был первый протест, касающийся обращения с американскими корреспондентами, после весны этого года, когда посольство протестовало против незаконного обращения с корреспондентами, фотографировавшими еврейскую демонстрацию перед министерством внутренних дел. Во время последнего инцидента нападению подверглись Кристофер С. Рен (« Нью-Йорк Таймс »), Микаэль Паркс (« Балтимор сан ») и Линн Олсон (АП). Пресс-службы направили собственные протесты.

Протест Добрынину.

А.М. Розенталь, главный редактор « Нью-Йорк Таймс », направил вчера письмо Анатолию Добрынину, советскому послу в США, содержащее протест против нападения на г-на Рена.

МОСКВА : ИСКУССТВО ПОД БУЛЬДОЗЕРОМ

(« Крисчен сайенс монитор » 17.IX.74.)

Похоже, что могущественный Кремль боится искусства. То-есть, искусства бесконтрольного и не под диктовку.

Смешно подумать, что в наши дни свободы культуры советские власти пошлют бульдозеры и поливальные машины, чтобы сорвать показ абстрактной живописи под открытым небом. Более того, несколькими западным корреспондентам и русским зрителям нанесли побои, причем на глазах полицейских в форме. Два советских художника были арестованы, их полотна брошены в грузовики и завалены грязью.

Столь нецивилизованное поведение наносит еще больший вред образу Кремля. Это еще одно подтверждение подавляющей, часто преступной природы советского режима, равно как и догматизма руководства, не терпящих художественной — не говоря уже о политической — свободы.

Деятельность подпольных московских и ленинградских художников не является опасной или подрывной. Их « преступление » состоит в том, что они не придерживаются официальной догмы социалистического реализма, прославляющего коммунизм. Они хотят писать так, как они видят. Их работы традиционны и вялы по западным стандартам, но черты советской реальности, уловленные ими, кажутся чересчур смелыми надевшим шоры советским идеологам.

Стремясь закрепить состояние разрядки в отношениях с Западом, Советский Союз должен от-

кликнуться на призыв пересмотреть некоторые бесчеловечные аспекты собственной внутренней политики. Недавний спектакль укрепит позиции критиков разрядки, которые доказывают, что нельзя иметь дела с режимом, столь равнодушным к основным человеческим правам.

ИСКУССТВО В КОЛЬЦЕ ГОЛОВОРЕЗОВ

(« Лос-Анжелос Таймс » 17.IX.74.)

Критики культуры от советской тайной полиции вновь применили в области искусства собственную версию « социалистического реализма ». В воскресенье отряды головорезов из КГБ при помощи бульдозеров, поливальных машин и кулаков разгромили выставку абстрактной живописи, избив заодно зрителей и западных журналистов, отправили художников в тюрьму и сожгли картины. Таков реализм существования художников в Советском Союзе.

Официальная санкция на просмотр отсутствовала. Выставка была проведена, поскольку ряд художников пожелал выставить работы, где они выразили себя способом, не одобряемым коммунистической партией. В этом состоит их преступление.

В культурной жизни Советского Союза под эгидой власти нет места для индивидуальных суждений, для терпимости к эксперименту и но-

вовведениям. Короче, нет места для искусства в том смысле, в каком весь мир понимает это слово в течение тысячелетий.

С неизбежностью встает старый вопрос: чего советские власти так сильно боятся, если идут даже на публичное насилие, вроде открытых хулиганских действий в Москве? Ответ, подтверждаемый каждым случаем официальной нетерпимости, состоит в том, что власти боятся всякого свободного выражения, всякого отклонения от одобренной линии. Если позволить художникам передать другим людям прозрения и тайны своего духа, то это создаст роковой прецедент: ведь раз один человек может судить об истине так, как он ее видит, то скоро и остальные потребуют для себя такого же права. Результаты были бы, действительно, столь страшными, что на размышление не остается времени.

Несмотря на тяжкий террор и подавление, на преступления и глупости советского руководства, все-таки существуют как показал воскресный эксперимент, мужественные, энергичные мужчины и женщины, требующие, чтобы их выслушали. И это позволяет на что-то надеяться.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Уважаемый товарищ редактор!

Известно ли вам, что произошло у нас в Черемушках вчера, 15 сентября?

С утра мы, здешние жители и работники расположенных неподалеку предприятий, охотно вышли в этот день на заранее запланированный массовый воскресник по осеннему благоустройству и озеленению. Каково же было наше недоумение, а затем и возмущение, когда примерно в полдень на пересечении улиц Профсоюзной и Островитянова вдруг одна за другой стали останавливаться машины, из которых какие-то развязные, неряшливо одетые люди начали вытаскивать весьма странные цветные полотна в рамках и без рамок с намерением здесь же, под открытым небом, и как раз там, где в этот час работали люди, устроить показ этих своих живописных произведений. С их прибытием трудовой ритм воскресника был нарушен. На спокойном перекрестке началась толчея, шум и гам; непрошенные гости вели себя вызывающе, вырывали у работающих людей лопаты и грабли, толкали их, стремясь оттеснить от газонов, сорвали плакат, призывавший к участию в воскреснике, мешали движению транспорта, ругались и сквернословили.

Любопытно, однако, что вместе с « художниками » и даже несколько раньше сюда приехали иностранцы. Приехали в машинах с номерами

посольств ряда капиталистических стран. Кстати, часть картин и была доставлена в посольских машинах. Среди иностранцев, как потом выяснилось, было немало корреспондентов зарубежной прессы, которые, как стало ясно всем, прибыли сюда отнюдь не для освещения «художественного события». Они демонстративно фотографировали весь этот шабаш и активно в него вмешивались. Корреспондент норвежской газеты «Афтенпостен» Удгорд Нильс Мортен позволил себе даже ударить по лицу дружинника, пытавшегося его усомнить. Были и другие подобные случаи.

Непристойная вылазка группы художников-формалистов принимала, таким образом, характер преднамеренной политической провокации.

По требованию участников воскресника вмешались дружинники, а по их просьбе — и милиция. Некоторые организаторы «выставки», которые вели себя особенно непристойно, были доставлены в отделение милиции с целью установления их личностей. Ими оказались назвавшие себя «свободными художниками», «неконформистами» некие О. Рабин, А. Кропивницкий, В. Сычев, Н. Эльская, А. Таль, М. Славутская, В. Тупицын и другие, числом до пятнадцати. Картины, которые они привезли с собой, носили по нашему мнению явно антихудожественный характер и не вызывали ничего, кроме отвращения и насмешек.

В связи с тем, что все эти люди именовали себя художниками, мы сегодня обратились за разъяснением в Союз художников. Оказалось, что никто из них не является членом Союза художников СССР; действовали они, следовательно, лишь по

сговору между собой. Неделями раньше они обращались в исполком Моссовета, где были ознакомлены с существующим у нас в столице порядком организации и проведения художественных выставок, но не посчитались с этим. По просьбе исполкома Моссовета соответствующие разъяснения им были даны и в столичной организации Союза художников, но и это на них не подействовало.

Выяснилось также, что кое-кто из этих «художников», решивших выставиться таким странным способом, ранее промышлял сбытом своих картин в зарубежные страны и даже выставлялся там, наживая не столько деньги, сколько престиж «талантов, не признанных у себя на Родине».

Известно однако, что постыдная спекуляция на непризнании никому еще не приносила лавровых венков. Тем более, что в воскресенье в Черемушках все это сопровождалось явным нарушением общественного порядка, разнузданным хулиганством, которое никому простить нельзя. Мы, жители Черемушек, бывшие свидетелями этого бесчинства, категорически протестуем против подобных «художественных» акций и требуем, чтобы законы нашей страны и общественный порядок в столице уважали и так называемые свободные художники, не имеющие, видимо, ни малейшего представления об истинном искусстве, и их иностранные друзья и покровители.

Участники воскресника :

В. ФЕДОСЕЕВ, токарь, ударник коммунистического труда.

Е. СВИСТУНОВ, радиомонтажник, ударник коммунистического труда.

В. ПОЛОВИНКА, начальник Управления дорожного хозяйства и благоустройства Черемушкинского района, депутат районного Совета депутатов трудящихся.

Б. ТИМАШЕВ, электромонтажник.

16 сентября. МОСКВА

Филип Ховард

ДИРЕКТОР ТЕЙТ ГАЛЕРИ ОТМЕНЯЕТ ВИЗИТ В РОССИЮ

(« Таймс » 21.IX.74.)

В знак протеста против разгрома в прошлое воскресенье московскими полицейскими неофициальной выставки директор Тейт галери сэра Норман Рид отменил назначенный на сегодня приезд в Советский Союз. Его визит намечался в связи с чествованием двухсотлетнего юбилея художника Тернера, более 30-ти полотен которого предполагалось привезти в Эрмитаж.

Вчера вечером сэра Норман заявил : « Я полагаю, что мой приезд в Россию через несколько дней после разгрома выставки свидетельствовал бы о чрезвычайном равнодушии и безразличии к судьбе художников. Тейт галери славится добрым

отношением к живописцам, и было бы с нашей стороны нетактично наносить визит именно сейчас, не говоря уже о моем собственном негодовании и отвращении к происшедшему. Решение отменить поездку возникло по моей личной инициативе и является для меня немалым лишением, ибо я много лет мечтал о путешествии в Россию.

Переговоры об организации выставки Тернера между Британским Советом и советским Министерством культуры начались довольно давно. Тейт галери собиралась представлять в основном масло, а Британский музей согласился прислать около 50-ти акварелей Тернера. Эта выставка могла бы стать самой представительной английской художественной выставкой после состоявшейся в 1960 году обзорной экспозиции британской живописи. Она оказалась бы также и самой большой из когда-либо проводившихся в России персональных выставок английского художника.

Визит сэра Нормана явился бы завершающим в серии переговоров о выставке. В ходе его были бы уточнены последние детали. При этом бы обсудили также вопрос о взаимном обмене художественными ценностями.

Дальнейшие переговоры о выставке Тернера возложены теперь на представителей Совета Тейт галери и других галерей. Сэр Норман сказал, что постарается положительно воздействовать на их мнение в связи со вчерашним сообщением о разрешении советскими властями выставки нонконформистов в субботу на следующей неделе.

ТОЛПЫ ВЗВОЛНОВАННЫХ РУССКИХ
НА ВЫСТАВКЕ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА
(« Нью-Йорк Таймс » 30.IX.74.)

Москва, 29.IX. Более 10 000 человек собрались сегодня на самой большой выставке современного и неортодоксального искусства со времен 20-х годов.

Группами в 5-6 и даже 10 человек шли зрители на огромное поле под лучами осеннего солнца, перелезая через кое-где выкопанные траншеи, шли с детьми на плечах, — чтобы посмотреть картины более 65 художников, пишущих в совершенно различных стилях, — от эксцентричного реализма и религиозного символизма до сюрреализма, поп-живописи, цветовых абстракций и едкого искусства эры наркотиков.

4 члена Союза художников, подчиняющегося официальной доктрине изобразительного искусства, игнорировали предостережение против участия в просмотре « антисоветского искусства ». По крайней мере двое из них, выставившие работы вопреки запрещению, говорили, что они, видимо, потеряют работу. Многие другие участники — члены организации графиков.

После десятилетия усиливающегося контроля в области культуры эта выставка — выдающееся событие.

Французский дипломат назвал ее « русским Вудстоком ». Один русский сказал, что происходящее напоминает скорее Париж, чем Москву, —

« абстрактное искусство, а вокруг ни пьяных, ни полиции ».

Несмотря на некоторое возбуждение, выставка проходила без инцидентов и какого-либо вмешательства властей, внимательно наблюдавших за развитием событий.

После насильственного срыва сходного просмотра две недели назад и последовавших репрессий эта выставка имеет, может быть, скорее политическое, чем эстетическое значение. Совершенно ясно, что представленные картины не обладают той смелостью, которая была свойственна живописи Василия Кандинского, Казимира Малевича, Владимира Татлина и других художников, работавших более полувека назад; их произведения до сих пор не выставляются в России.

« Вот классический пример влияния разрядки », — заметил Александр Гольдфарб, молодой ученый, приятель многих художников. — Этого никогда бы не произошло без давления с Запада, и сильного давления ».

Очевидно, что внезапное появление неортодоксального искусства в таком объеме и тот факт, что власти были почти принуждены разрешить просмотр, посеяли семена брожения.

Несколько поэтов, не разделяющих традиционных предрассудков, обсуждали вопрос, не обратиться ли им за разрешением на публичные чтения. Неофициальные художники, организовавшие сегодняшний просмотр, заявили, что они будут просить помещения для выставки, а также и разрешения на просмотры под открытым небом в будущем.

В назначенный властями срок окончания выставки — 4 часа пополудни — около 200 полотен было снято с подставок и увезено, но еще долго большие группы людей, молодых и пожилых, спокойно обсуждали достоинства и недостатки современного искусства — почти беспрецедентное событие в советской общественной жизни.

« Впервые за столетия у нас такая выставка, — сказал московский литературный критик. — Это замечательно, потрясающе ! »

« Это должно быть началом, а не концом, — взволнованно проговорил московский студент, подойдя к иностранному корреспонденту. — Мы не можем согласиться с искусством, которое сегодня видели, но оно существует, это, может быть, учеба для наших молодых художников. Люди узнали, куда придти, чтобы посмотреть выставку, благодаря иностранным радиопередачам и статьям в иностранной прессе ».

Хотя каких-либо местных извещений о показе не было, настроение пришедших поразительно контрастировало с атмосферой две недели назад, когда банды молодчиков пустили в ход бульдозеры, грузовики и автополивки и сорвали просмотр.

После волны критики из-за рубежа власти Мосгорсовета по указке сверху выдали разрешение провести сегодняшний просмотр группе из 24-х художников, возглавляемой Оскаром Рабиным и коллекционером живописи Александром Глезером. Не без иронии художники назвали выставку « Вторым осенним просмотром живописи под открытым небом » — на машинописных пригласительных билетах.

Было опасение, что круг посетителей ограничат людьми с приглашениями, но подобных попыток не предпринималось, хотя шпики в штатском снимали заграничными кинокамерами русских, беседовавших с иностранными корреспондентами и дипломатами.

Власти не проводили предварительного просмотра работ, но сами художники воздержались от показа картин на политические темы. Посетители выставки, как правило, образованная молодежь и отчасти хиппи, были в заметно праздничном настроении. Они выказывали дружеское, уважительное и заинтересованное отношение к искусству. В течение четырех часов зрители медленно двигались вдоль линии расставленных картин, протянувшейся на сотни ярдов по полю недалеко от Измайловского парка, что расположен на восточной окраине Москвы. Многие фотографировали. Художников часто просили поднять картины вверх, поскольку толпа стояла так плотно, что ничего нельзя было увидеть. Временами вспыхивали аплодисменты...

Оскар Рабин и Александр Глезер
накануне выставки 29 сентября 1974 г.

На выставке в Измайловском парке 29 сентября 1974 г.

ПОВТОРНАЯ ВЫСТАВКА
АБСТРАКТНОГО ИСКУССТВА
МИРНО ПРОШЛА В МОСКВЕ

(« Балтимор сан » 30.IX.74.)

Показ абстрактного искусства две недели назад был встречен советскими властями враждебно и разгромлен; теперь художникам разрешили повторить его в московском парке; показ привлек тысячные толпы. Будучи первой выставкой неортодоксального абстрактного искусства, эта экспозиция, вероятно, станет краеугольным камнем истории советской культуры, тем более если власти продолжат политику терпимости по отношению к подпольным художникам.

Просмотр, разрешенный Моссоветом, проходил спокойно, без какого-либо вмешательства. Крупные полицейские силы были сосредоточены в парке, но они не предпринимали никаких попыток ограничить доступ зрителей на выставку... По оценкам организаторов просмотр посетило около 15 000 человек. Повидимому, эта цифра в 10 раз превышает число тех, кто пришел бы на первую выставку 15 сентября, если бы ее не разгромили переодетые полицейские и молодые головорезы, нанятые советскими властями, которые заявили, что картины не отвечают критерию «социалистического реализма» и поэтому не могут быть выставлены. Протесты всего мира, достигшие местных влиятельных кругов, заставили Кремль

отдать приказ городским властям об устройстве просмотра в одном из крупнейших московских парков.

« Мы надеемся, что эта выставка станет обычным делом, — сказал один из организаторов, ленинградский художник Евгений Рухин. — После всего пережитого нами ради того, чтобы получить разрешение на эту выставку, мои слова звучат, быть может, самонадеянно. Но теперь люди знают, какие картины мы пишем, и сами могут судить, наносим ли мы вред стране. Я надеюсь, во всяком случае, что в следующий раз получить согласие на подобную выставку будет проще ».

Более 65-ти художников приняло участие в выставке в парке, а 15 сентября выставлялось 24. Александр Глезер, поэт, переводчик и собиратель неортодоксального искусства, помогавший в устройстве обеих выставок, заявил, что через некоторое время художники попытаются добиться помещения для галереи, а также разрешения проводить просмотры раз или даже два раза в год.

« После такой толпы зрителей нельзя отрицать интерес к свободному искусству, — сказал он. — Художники не просят власти или Союз художников одобрить их картины или стиль. Они просят единственного: признать их право на художественное самовыражение ».

Просмотр вызвал много споров между художниками и зрителями по поводу того, что означает та или другая картина, почему художники работают в таких манерах — от сюрреализма до абстрактного экспрессионизма, поп и оп-живописи.

— Что это значит? спрашивал рабочий-металлист.

— Все, что хотите, все, что вы в ней увидите, — отвечал художник.

— Нет, вы этим не отделаетесь. Что это значит? Картина должна что-то говорить. Почему вы думаете, что вы художник? — спрашивал другой зритель.

— Ну, ладно, это ресторан, — сказал художник о своей работе, представлявшей ряд мрачных цветовых форм.

— Какой ресторан? Где?

— Любой ресторан, где хотите, на ваше усмотрение.

Оба зрителя не стали дожидаться конца объяснений и удалились, бормоча под нос: «Нет, я не понимаю».

Студент-философ из Московского Государственного Университета, натренированный спорщик в вопросах марксизма-ленинизма, вовлек одного из организаторов выставки, Оскара Рабина, — вероятно, самого известного и преуспевающего московского подпольного художника — в дебаты по поводу того, что студент назвал «глубинным негативизмом» в произведениях, представленных на выставке, особенно в работах самого Рабина.

— Невелика тайна ваших работ: вы все отрицаете и ничего не утверждаете, — заявил студент.

— Если вы так считаете, — отвечал художник, — то это говорит также о вас, о том, что вы бессознательно видите вокруг себя и эмоционально это оцениваете, как и мои работы.

Однако большинство зрителей не были настро-

ены враждебно, даже если они не понимали картин. Многие говорили, что отдельные работы им понравились, так как они заставляют думать или просто потому, что они «интересны», и желали художникам удачи.

Некоторые просили художников дать номер телефона, чтобы договориться о встрече и посмотреть живопись в более спокойной обстановке; это обещает подпольным художникам расширение рынка, до сих пор они продавали картины в основном иностранцам, живущим в Москве.

Споры, открытое зеленое поле посреди березовой рощи и теплые лучи осеннего солнца создавали на выставке атмосферу праздника.

На траве бегали и играли дети, интеллигенты обсуждали картины. Поэт Евгений Евтушенко, появляясь то тут, то там, декламировал свои стихи по-английски и беседовал с художниками и зрителями. «Очень волнующее событие, — сказал он, — не помню ничего подобного».

**НОНКОНФОРМИСТЫ ПРОСЯТ МОСКВУ
САНКЦИОНИРОВАТЬ
ВЫСТАВКУ ЖИВОПИСИ В ПОМЕЩЕНИИ
(«Нью-Йорк Таймс» 5.X.74.)**

Москва, 4.X. Группа художников нонконформистов, настойчиво закрепляя успех массовой выставки под открытым небом в прошлое воскресенье, обратилась в Моссовет с просьбой разре-

шить в декабре значительно более длительную выставку в помещении, — сообщил сегодня Александр Глезер, поэт и коллекционер живописи, помогавший организовать 4-х часовую выставку в Измайловском парке на восточной окраине Москвы. Он заявил, что создан постоянный комитет по подготовке зимнего просмотра, в который кроме него вошли еще три художника.

Художники, ободренные огромным числом посетителей и отсутствием неприятных инцидентов, сразу же заговорили о новых просмотрах. Некоторые поэты поговаривают о публичном чтении неофициальных стихов, однако нет пока признаков, что в этом направлении сделаны реальные шаги.

Г-н Глезер заявил, что просьба о зимней выставке адресована отделу культуры Моссовета, который выдал разрешение на воскресную выставку. «Мы полагаем, что три месяца — достаточный срок для рассмотрения нашей просьбы и поисков подходящего места для выставки, — сказал г-н Глезер.

Повидимому, просьба ставит трудную проблему перед властями, которые сначала попытались подавить движение, предоставив в распоряжение молодчиков бульдозеры и автополивки, чтобы сорвать затею на пустыре 15.IX.

Г-н Глезер заявил, что он и художники, лишившиеся картин на выставке 15 сентября, возбудили дело против городских властей, чтобы возместить убытки в 2950 рублей. Средняя зарплата в СССР — 135 руб. в месяц.

Городские власти отрицают какую бы то ни

было конфискацию или уничтожение картин во время этого просмотра и изыскивают пути для обвинения художников в том, что они сами спровоцировали появление бульдозеров и автополивоков.

Федор Решетников,
Народный художник СССР

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ НАРОДНОЙ

(«Вечерняя Москва». 18.X.74 Отрывки из статьи)

...Надо сказать, что, увы, не всякому понятно и близко реалистическое искусство, поставившее во главу угла человека — строителя и борца, ученого и поэта. Иному куда роднее головоломные упражнения модернистов. Но для нас модернизм — вчерашний день, ибо мы давно прошли через тернии формоискательства. Был у нас Кандинский, ломали мы голову над черными и белыми квадратами Малевича. Все это было. Но все прошло, как детская корь. Здоровый организм всегда одолевает болезни. Хотя порою рецидивы забытых болезней случаются.

Речь вот о чем. Больно и обидно становится, когда видишь, как иной неоперившийся художник наблюдает жизнь, я бы сказал, с головой повернутой в сторону самого одиозного в буржуазном искусстве. Недавно мне пришлось быть свидетелем так называемого «показа» произведений

молодых художников в Измайловском лесопарке. Спешу подчеркнуть, что слова — произведения и художники — я употребляю в данном случае весьма условно. Так вот, рассматривая лихо размалеванные полотна с приклеенным подлокотниками от кресел, обрывками тканей, я с грустью подумал, что молодые авторы этих опусов теряют время на бесплодные поиски.

Все, что я увидел на этом показе, мне напомнило то, с чем я встречался неоднократно на зарубежных вернисажах так называемого «авангардистского» искусства. Причем подобные «произведения» для меня не были откровением, ибо с такими экспериментами я уже встречался в своей молодости. Вся эта замена живописи всевозможным мусором имела место у нас в Москве в начале нынешнего века.

Так зачем же тащить устарелый хлам в сегодняшний день, да еще выдавать этот суррогат за искусство ?

Следует помнить, что художник, отказавшийся от реалистических форм искусства, вольно или невольно отбрасывает в сторону насущные человеческие проблемы, все то, чем живет современное общество. Пытаясь вместо отражения реальной действительности навязать зрителям бессмысленное экспериментаторство, заключенное в раму, модернисты могут лишь поразить зрителя несусветной нелепицей, ошарашить его якобы зашифрованными символами.

Мистицизм, разорванность предметного мира или беспредметность уводят искусство в мир бездуховности, жестокости, бесчеловечности. Такие

картины или скульптурные упражнения чужды нашему народу. И вообще должен заметить, что подобное творчество антинародно по своей сути. Не случайно на выставках абстрактного искусства за рубежом, где я бывал, как правило, посетители можно было сосчитать буквально по пальцам.

Вот те мысли, которыми я хотел поделиться с читателями.

Н. Рыбальченко

КАК РАССЕЯЛСЯ МИРАЖ

(«Вечерняя Москва» 23.X.74.)

На лесной поляне в Измайлове недавно состоялся просмотр работ так называемых художников-модернистов. Я была на этом просмотре, но желание написать о нем он у меня тогда не вызвал. Однако, когда я прочитала в «Вечерней Москве» статью народного художника СССР Ф. Решетникова, мне захотелось поделиться впечатлениями от того, что там было представлено.

Несколько раньше эти художники, чтобы привлечь к себе внимание, пытались организовать «экспромтом» свою выставку на Профсоюзной улице, дали множество интервью корреспондентам западных органов информации. И вот теперь мы увидели, из-за чего разгорелась, вернее была искусственно раздута шумиха, о которой говори-

лось на пресс-конференции в Центральном Доме журналиста для представителей советской и иностранной печати (см. «Московскую правду», 29 сентября 1974 г.)

Первое впечатление от просмотра — пестрота направлений. Обилие разных и по манере восприятия мира, и по технике работ художников невольно вызвало вопрос: почему эти художники вместе, что их может объединять?

Вот «Сломанная жизнь» Ламма: к тусклому серо-зеленому полотну прикреплены какие-то деревянные предметы, костыли, рейки. Рядом — «Бабочка-махаон» Зеленина: ученически примитивно изображен Покровский монастырь в Суздале — а внизу полотна — огромная, как картинка из Брема, раскрашенная бабочка. Вот подтеки на бумаге Рухина — и «Рубашка» Рабина на фоне черного города, на черной веревке — порванная женская рубашка, белая, с розовыми цветочками. По приемам ничего нового в этих, с позволения сказать, произведениях нет: все это уже было у ташистов, коллажистов и других формалистов Запада.

Также пестры и «заявки» на отношения с миром: от прямолинейно-дидактических символов до нежелания быть понятным; от откровенных выпадов (примеры — Воробьев с его поверженной «Белой звездой», с его «Двумя буквами» — альфой и омегой на фоне холста; Кропивницкий — с расколовшимся циферблатом городских часов) до подчеркнутого отказа от содержания во имя решения «чисто технических» задач: от ультрамодерных «композиций» — до вариаций

на « вечные темы » (у Зевина безумный Христос пляшет под граммофон).

И все-таки, думается, большинство участников показа не случайно объединились. Многие их роднит — и по существу содержания их работ, и по формальным поискам. Прежде всего суть их исканий — при всей их пестроте — сводится к формалистическим трюкам. Они идут не от предмета изображения, не от чувства, а от чисто технического приема, который диктует и все остальное.

Одни картины похожи на рельефную карту, другие — на недореставрированную икону со многими слоями краски, в « Цветах на салфетке » Эльской салфетка приклеена к холсту. На иных холстах краска лежит такими наростами, словно она не краска, а чужеродный предмет. Поистине удивительна несамостоятельность участников просмотра, отсутствие индивидуальностей при воинствующей претензии на индивидуализм. Например, « Корабль дураков » Калугина куда больше говорит об опусах Сальватора Дали, выполненных техническими приемами старых китайских полотен, чем о самом Калугине.

И так, что ни возьми.

Отчасти творческую несамостоятельность участников просмотра можно объяснить тем, что абсолютное большинство из них имеет за плечами десятилетку и 20-25 лет жизни. Откуда, в самом деле, взяться профессиональным навыкам, техническому мастерству (а это не то же самое, что обилие технических приемов), зрелости творческой и духовной ?

Профессиональная и нравственная незрелость обернулась для участников просмотра и большим злом, чем отсутствие своей творческой манеры. Их картины духовно немощны, потому что нет в них человека.

Имеется в виду не то, что было мало портретов (а их было мало), а то, что о человеке, о его стремлениях показанным работам сказать нечего. Поэтому так велика у их авторов тяга ко всякого рода мистике и дьявольщине. Духовная беспомощность заставляет этих художников изображать человека и его мир безобразным.

Видимо, отсутствие контактов с живой жизнью, неумение понять и выразить реальный мир человека заставляет участников просмотра тянуться ко всякого рода символам, аллегориям, ко всем этим «альфам» и «омегам», к разного рода «ниспровержениям» и «оппозициям». Мариенберг, например, спорит с версией греков о рождении Венеры из пены морской, утверждая, что она возникает в момент близости мужчины и женщины.

В работе художника Дажь «Невеста» наблюдается попытка создать образ русской природы и человека, проиллюстрировав это на примере соединения головы женщины и кижского погоста. Нет надобности говорить о качестве живописи и рисунка этого полотна. Они не только не помогают созданию образа, но скорее делают его уродливым. Это звучит насмешкой, если не сказать больше, над образом русской женщины и величайшим памятником русской архитектуры.

А вот отношение к сегодняшней жизни Рахма-

на. Композиция изображает глубокий колодец, на дне которого как бы сидит зритель, а на него летят камни, бросаемые полулюдьми, дегенератами.

Довольно ясна и позиция Рабина, который значительную часть своей жизни посвятил всякого рода формальным экспериментам. Этот человек знает, что хочет сказать. И знает, как. И других учит недоброжелательности, передает им свой холодный, тяжелый взгляд на жизнь. Окружающая жизнь ему враждебна. Поэтому и появляется рваная женская рубашка, одинокая в ночи города, оципанная курица из деревни Прилуки.

Примечательны разговоры о просмотре, реакция на него зрителей. Те, кто пришел сюда, четко распадались на три категории : на друзей авторов работ, на противников и просто любопытных. Многие иронически улыбались или все больше мрачнели от картины к картине.

Парень в больших очках говорил своему спутнику :

— Пошли отсюда. Всей чуши не пересмотришь.

Диалог :

— Ну что рассматривать так подробно, как будто это искусство ?

— Раз не искусство, зачем вы пришли ?

— Да на вас глянуть, какие вы есть.

Мариенберг у своих картин в качестве комментатора :

— Вот, вот Венера, ее волосы, руки, вот руки мужчины. Вот розы и пчелы вокруг. Я руководствовался чисто плотскими взглядами на сюжет.

Слушают: Где еще такое услышишь !

Посетители были случайны. Но многие останавливались надолго у картины Георгиевой «Снег». Небольшая картина, серебристо-серая. Поэтичностью русской зимы, мягкостью и душевным покоем дышало полотно. И рождался вопрос: почему эта картина здесь? Что общего у нее с теми, которые ее окружают?

Не одна Георгиева «выпадала» из общего тона. «Сельское кладбище», «Зима» Ждана, хоть тоже чересчур красивы, но все же немало говорят уму и сердцу. И цветок в бокале у Каменева.

Правда, на обычной выставке эти работы не так привлекали бы (здесь действует закон контраста). Но все же жаль, что связывают эти художники свою творческую судьбу с тем, что обречено, что вынесено на поверхность скандалом, недоброжелательными подтасовками и неизбежно опадет, как пена.

А в общем, в тот воскресный день был развеян созданный западной пропагандой миф о «непризнанных талантах». Король оказался голым. Модернистов вывели на публику, и они выставили себя во всем убожестве, потому что как явление искусства работы модернистов выглядят просто несерьезно. Seriously здесь только напоминание о том, что наши идейные противники поднимают на щит своей пропаганды что угодно, лишь бы создать иллюзию «противообщества» в нашей стране, в духовной жизни народа.

Когда анализируешь большинство работ, невольно приходишь к выводу о духовном кризисе их авторов, или вернее сказать, определенном их

умысле, который продиктован враждебным отношением к действительности, к русской национальной культуре.

Хедрик Смит

**РУССКИЕ НЕОФИЦИАЛЬНЫЕ ХУДОЖНИКИ
« НАМ ГРОЗЯТ ИСПОРТИТЬ ЖИЗНЬ »**

(« Нью-Йорк Таймс » 1.XI.74.)

Представитель неофициальных художников, которые провели в конце сентября успешную выставку на открытом воздухе, обвинил московскую газету в « недвусмысленных угрозах » по адресу участников выставки.

Поэт, переводчик и коллекционер Александр Глезер направил редактору « Вечерней Москвы » открытое письмо в связи со статьей в номере от 23 октября, обвиняющей неофициальных художников во « враждебности к действительности, к русской национальной культуре ».

Г-н Глезер также сообщил, что неофициальные художники возобновили давление на власти, чтобы добиться разрешения на выставку в помещении в декабре; кроме того, художникам дали понять, что их выставка оказала большую помощь либеральным членам официального Союза художников.

Предупреждение о тунеядстве.

По словам г-на Глезера, в московскую организацию художников-графиков направлено требование принять туда Лидию Мастеркову, поскольку милиция угрожала ей преследованием за тунеядство (это значит отсутствие официального места работы), если она не пойдет работать на фабрику в течение 20 дней. Сообщают, что глава организации Владимир Ащеулов дал обещание рассмотреть это дело, а также вопрос о разрешении на выставку в помещении.

Понятно, что и против других участников выставки 29 сентября были приняты меры, однако их приостановили после того, как лидеры неофициальных художников пригрозили публичными протестами против акций властей.

Таким образом, ничего не было сделано для наказания четверых членов официального Союза, принимавших участие в показе картин, хотя г-н Глезер и отмечает в своем письме, что статья в «Вечерней Москве» особо отметила Леонида Ламма, члена Союза, хорошо известного книжного иллюстратора, и обрушилась на приписываемую ему картину «Разбитая жизнь».

Г-н Глезер заявил, что, будучи организатором выставки, он знает, что у Ламма такой работы нет и что ни Ламм, ни другие живописцы не выставляли картины под таким названием. «Но мне хорошо известно, что художник Ламм спустя три недели после подачи заявления о разрешении на выезд в Израиль был арестован (в декабре 1973 г.), обвинен в преступлениях, которые он якобы со-

вершил в 1969 г. и провел 10 месяцев под следствием», — добавил г-н Глезер.

«Итак, картины Ламма «Разбитая жизнь» не существует, но они разбили собственную жизнь художника, — сказал он. — Этой фразой Н. Рыбальченко (автор статьи) недвусмысленно угрожает всем художникам, как бы говоря: мы разобьем и вашу жизнь».

По мнению г-на Глезера, это могут сделать по требованию властей, противостоящих современному искусству, чтобы напугать неортодоксальных живописцев.

Он заявил также, что «враждебны к русской культуре» не неортодоксальные художники, а те, кто использовал бульдозеры против первой выставки, сорванной 15 сентября, и кто прячет работы Кандинского, Малевича и Шагала в запасниках государственных музеев.

ИСКУССТВО ЖИВЕТ ВОПРЕКИ КГБ

(«Гардиан» 9.XI.74.)

Советская печать критиковала произведения искусства, показанные на недавней выставке в московском парке; выставка вызвала много споров. Писали о «духовной неопределенности» работ, художникам приписывали «враждебность к действительности». Тео Ричмод взял интервью

у Игоря Голомштока, бывшего советского критика и друга главных участников этого предприятия.

Несколько недель назад в Москве произошло невозможное : впервые за всю советскую историю группе художников удалось провести публичную выставку произведений, которые государство поначалу осудило, как враждебные социалистическо-реалистическому искусству и высоким идеалам советского человека. Люди на Западе, как и организаторы выставки, отнеслись к событию 29 сентября с понятным недоверием. Всего лишь за две недели до этого отряды КГБ в штатском, применив бульдозеры, пожарные шланги и кулаки, разгромили подобную выставку и произвели несколько арестов. Вряд ли кто-нибудь из живущих на Западе может лучше оценить эти происшествия, чем Игорь Голомшток, бывший советский искусствовед, который ныне живет в Англии. Близкий друг нескольких участников выставки, он характеризует ее как « важнейшую веху для всей духовной жизни советского общества, а не только искусства ».

Он уехал из Москвы два года назад с женою и трехлетним сыном. Им выдали эмиграционные визы в Израиль, однако приехали они в Лондон, где у него много друзей, закулисная помощь которых помогла ему выбраться из России.

Г-н Голомшток писал для ведущих советских журналов по искусству, опубликовал несколько книг, был членом Союза художников. Однако его симпатии и уважение были на стороне талантливых « неофициальных художников », которых Союз осуждал как еретиков и запрещал пока-

зывать их работы на выставках. Он также был близким другом писателя-диссидента Андрея Синявского, вместе они написали книгу о Пикассо (отпечатанную, но так и не попавшую в продажу); он был основным свидетелем на печально известном процессе Синявского-Даниэля. Суду не понравились его показания, и по окончании основного процесса его дело было выделено в отдельное производство. Он отделался штрафом.

Как бы он трактовал 29 сентября в своей книге о русском искусстве? «Любой будущий несоветский историк должен трактовать это событие, — заметил Голомшток, — как историческую дату, столь же знаменитую, как, скажем, 1957 год, год Международного молодежного фестиваля в Москве, когда местные художники впервые получили возможность прямого контакта с иностранными художниками».

Заслуживает ли выставка внимания, благодаря художественным достоинствам, или только из-за самого факта проведения? «Я воздержался бы, — сухо подчеркнул Голомшток, — выносить суждение о качестве выставки в целом, потому что ее не видел, не было и каталога. Но если судить по некоторым именам из шестидесяти пяти художников, то я уверен, что там представлялись серьезные и талантливые работы». В качестве примера он назвал четверых художников: Владимира Немухина, Оскара Рабина, Евгения Рухина и Юрия Жарких. Из них только Немухина можно считать почти абстракционистом. «Ряд западных газет трактовал событие как демонстрацию абстрактного искусства. Это неверно. Если и были

на просмотре абстрактные работы, то в меньшинстве. Многие из показанного относятся если не к строго реалистическому, то, по крайней мере, к предметному искусству ».

Первая выставка, разгромленная властями, дала редкий пример коллективного неповиновения. Почему это произошло? « Это был жест отчаяния. Это было единственное, что осталось художникам, единственный способ представиться публике, заявить о своем существовании. О существовании зрелых и талантливых художников, которым уже по сорок — пятьдесят лет и чье творчество до сих пор игнорировалось или отрицалось ». На взгляд искусствоведа, события 15 и 29 сентября были следствием процесса, длившегося около двадцати лет. « Художники, известные под именем « неофициальные », появились в Москве после Молодежного фестиваля 1957 года. С самого начала они оказались на положении чужаков. Они не могли показать свои работы публично. Они находились в адском положении »...

...Кто из художников, по мнению г-на Голомштока, создает оригинально русское и выдающегося качества неофициальное искусство? Он назвал четверых: Оскара Рабина, Александра Харитонова, Дмитрия Плавинского и Бориса Свешникова. « Нельзя сказать, что корни их творчества уходят исключительно в русское искусство. Они усвоили различные традиции, русские и иностранные, вплоть до абстрактной живописи. Они с уважением относятся к тем направлениям западного искусства, которые все еще не сошли с ума, которые не стали искусством отрицания и разру-

шения». Самое крупное различие между сегодняшним западным и советским неофициальным искусством в следующем: «Если западное искусство нацелено против традиций, неофициальные художники хотят сохранить те частицы истинной культуры, которые уцелели в России, культуры, которую считали затоптанной и стертой с лица земли. У них нет ощущения, что они зашли в тупик художественного творчества. Они чувствуют, что если бы удалось преодолеть некоторые запреты, они процветали бы».

Неофициальные художники недавно попросили разрешения на организацию выставки в декабре. Никто не может сказать, какой ответ они получают. Г-н Голомшток говорит о будущем осторожно. Он усматривает опасность в том, что недавний успех породил на Западе волну ложного оптимизма. «Власти разрешили выставку, — сказал он, — потому что предшествовавший ей скандал имел широкую огласку в мире и вызвал отвращение. Тот, кто твердит о рассвете и о новой эре, попросту вводит себя в заблуждение. Действительно, на какое-то время репрессии смягчатся, однако мы не удивились бы, если бы власти изыскали новые пути для реванша».

В то же время Голомшток высказал уверенность, что выставка улучшила положение в искусстве в СССР и оказала большую поддержку отдельным неофициальным художникам. Поддержка на Западе и встреча с публикой на Родине заставила их, по меньшей мере, почувствовать, что они существуют.

СОВЕТСКИЕ ХУДОЖНИКИ
ОТКАЗЫВАЮТСЯ ОТ ПРЕДЛОЖЕНИЯ
О ВЫСТАВКЕ, ССЫЛАЯСЬ НА ЧИНИМЫЕ
ПРЕПЯТСТВИЯ

(« Нью-Йорк Таймс » 6.XII.74.)

Группа советских художников-нонконформистов отклонила предложение Моссовета на проведение своей выставки в помещении, — по словам одного из ее инициаторов. Оскар Рабин, чьи работы уже выставлялись на Западе, заметил, что московские художники отказались от возможности, которой они добивались в течение нескольких месяцев, потому что они столкнулись бы с помехами со стороны властей, как это было после двух выставок на улице в сентябре. Тем не менее группа художников из Ленинграда планирует провести подобную выставку в этом же месяце.

Человек, ведущий переговоры от лица этих художников, Игорь Синявин сообщил по телефону из Ленинграда, что городские власти разрешили им четырехдневную выставку, но отложили ее начало до 22 декабря.

Участвуют 50 художников.

Александр Глезер, московский поэт и переводчик, который принимал активное участие в организации выставок неофициальных художников, отметил сегодня, что около 50 художников будут

экспонировать примерно 200 картин на ленинградской выставке, которая состоится во Дворце культуры имени Гааза.

Решение московских художников, принятое, по словам Глезера, после трехдневных дебатов, вызвало удивление наблюдателей артистических кругов, так как осенью художники объявили, что экспозиция в помещении является их главной целью и именно на нее они добивались согласия городских властей.

Некоторые считают, что отказ художников от выставки отразил определенные разногласия в движении неофициальных живописцев. Однако сами его участники этого не подтвердили. Они заявили, что информировали чиновников Моссовета о невозможности проводить выставку в то время, когда некоторые из них подвергаются время от времени различного рода преследованиям.

Разделяют и раскалывают.

В прошлом месяце г-н Глезер обвинил советские власти в том, что они пытаются разделить и расколоть художников с целью поставить их под контроль.

Художники-нонконформисты привлекли к себе внимание двумя выставками в сентябре, первая из которых была разогнана бульдозерами и бандами бесчинствующих злоумышленников. Советские власти не выдержали нажима общественного мнения и разрешили провести вторую выставку на открытом воздухе, которая и прошла без инцидентов двумя неделями позже.

Художники говорят, что с тех пор несколько членов их группы подверглись допросам, задержанию, угрозам, увольнениям с работы и даже нападениям. Вчера Оскар Рабин привел примеры преследований: Александр Пеннонен был помещен на короткое время в психиатрическую больницу, а другого художника отправили отбывать повинность в армию.

Р. Строков

И ВСЕ-ТАКИ ДВОЙНОЕ ДНО (« Вечерняя Москва » 12.XII.74.)

В марте сего года А.Д. Глезер праздновал свое сорокалетие. К дому № 8 по Большой Черкизовской то и дело подкатывали машины иностранных марок с беленькими опознавательными номерами. Из машин бодро выходили иногости и дружно шли в квартиру № 37, где их встречал взволнованный и обрадованный таким иновниманием хозяин.

Пускало пузырьки шампанское, пускали пузыри от умиления гости, пузырем от важности надувался юбиляр. « Почтили-с. Благодарствуем-с »...

И звучали тосты. Громче других — на ином языке, разумеется. На всю Большую Черкизовскую славили Глезера. Только тосты звучали почему-

то, как аванс, выдавались, как векселя, плата по которым впереди. Но об этом чуть позже. Пока же перелистаем календарь назад.

...Наиболее полная биография Александра Давидовича Глезера была опубликована «Вечерней Москвой» 20 февраля 1970 года в фельетоне «Человек с двойным дном». Потому как автором фельетона был я, то без риска прослыть плагиатором повторю некоторые вехи из жизни «героя».

В 1956 году Глезер заканчивает нефтяной институт, однако недолго радуется промышленность своим активным с ней сотрудничеством. Нефтяник становится, как с тех пор он себя именуется, литератором, переводит стихи с грузинского и узбекского языков на русский. Это занятие популярности, увы, не приносит. И тогда тщеславный переводчик выражается в тогу покровителя живописи. Ну, конечно, именно той живописи, которой покровительствуют издалека. Сие, рассудил Глезер, куда выгоднее. А там, где пахнет выгодой, там-то уж ему энергии не занимать. И вот начиная с 1967 года в разных местах и городах он обманым путем, не ставя никого об этом в известность, кроме некоторых иностранных корреспондентов-любителей «жареного», организует выставки картин тех авторов (разумеется, не членов Союза художников), кои неоднократно критиковались людьми бесспорно компетентными в живописи.

Когда же поутихли овации в адрес Глезера, то он и без вызова на бис выходил на сцену: написал, например,opus в защиту подопечных «непризнанных», об атмосфере недружелюбия, кото-

рая якобы их окружает, и пытался переправить этот опус за рубеж.

Ярлык «борца за свободу творчества», небрежно подброшенный некоторыми падкими на дешевые сенсации зарубежными газетами и радиоголосами, очень уж ласкал слух и сердце Глезера. Советские люди, побывавшие на этих с позволения сказать, вернисажах с возмущением писали о выставленных картинах как о «злонамеренной идеологической диверсии». А оттуда, издали, наоборот поощрительно похлопывали по плечу: «Так держать!». И Глезер «держал».

Коммерция имеет свои законы. С удвоенной энергией отработывал он похвалы. Новые выставки, новые спровоцированные скандалы. Как марионетка, послушно выполняет он подсказанные ему движения. Нитки, правда, за марионеткой видны, ну да ничего не поделаешь: кто платит, тот и музыку заказывает.

Вот в это время и встретились мы с А.Д. Глезером в фельетоне «Человек с двойным дном».

Спустя некоторое время, сняв свою изрядно подмоченную тогу, «борец» явился в редакцию газеты «Вечерняя Москва» с покаянным письмом*). Он подтверждал в нем «одноплановый» (читай — чуждый настоящему искусству) характер организованных им выставок, считал своим долгом «публично осудить попытку передачи

*) Я действительно посылал письмо в редакцию газеты, но такого содержания, что ее главный редактор С. Индурский ответил мне раздраженным посланием: «В таком виде опубликовать Ваше письмо мы не можем, а вступать с Вами в дискуссию не намерены». (А.Г.)

статьи», бил себя в грудь и в заключение сообщал, что «... из общественной критики моих поступков мной сделаны соответствующие выводы». Таков был А.Д. Глезер образца 1970 года.

После этого у Глезера наступила пора затишья. Поутихли радиоголоса в его адрес, пожелтели от времени страницы газет со статьями о «борце». Да и вообще что-то тихо стало. Не пора ли, думает Глезер, напомнить о себе: так ведь, неровен час, и вовсе позабудут. И вот в марте с. г. он отмечает свое сорокалетие. Приглашенных на торжество много. Среди них, естественно, иногости. Искрится шампанское, провозглашаются тосты. Но звучат они, повторяю, как аванс, выдаются, как векселя, оплата которых впереди. Почему так? Да потому, что 15 сентября сего года Глезер действительно их оплачивает. В этот день он как один из организаторов решил показать очередную партию «работ» своих подопечных. Как всегда, заранее оповестив зарубежных журналистов, Глезер привозит на перекресток улиц Профсоюзной и Островитянова несколько десятков картин с их авторами. Работавшие здесь на воскреснике жители Черемушкинского района были немало удивлены визитом шумливых художников и их художествами. Возмутило их и вызывающее поведение прибывших.

Участники воскресника справедливо потребовали дать им возможность продолжить работу и обратились, как и полагается, за помощью к милиции, которая вынуждена была принять меры для поддержания общественного порядка. Так фактически обстояло дело. Тем не менее оплата по

векселю, выданному А.Д. Глезеру в день его сорокалетия, произошла. Нет, не тем, что показ был организован, дело-то как раз в обратном. В том, что он, то бишь показ, не состоялся. Да, как ни парадоксально это звучит, именно в этом была цель Глезера и иже с ним. Потому как именно этот факт, услужливо и провокационно предложенный Глезером, дал возможность кое-кому вновь заговорить на набившем уже оскомину антисоветском жаргоне об «инакомыслящих» и «непризнанных». Затягивал издающийся в США троцкистский листок «Новое русское слово», бросились на защиту «Нью-Йорк Таймс», «Балтимор сан», «Ди вельт» и другие газеты, посочувствовала западно-германская «Немецкая волна». Итак, вексель оплачен.

И Глезер опять пользуется моментом. Он достает из сундука пропахшую нафталином тогу «борца» и созывает у себя на квартире пресс-конференцию для иностранных журналистов, с ног на голову ставятся факты, густо поперченная ложь выдается за истину: рассказываются небылицы о «пропавших» или «уничтоженных» во время показа картинах, о «произволе властей» и т. д. и т. п. Но зато Глезер снова провозглашен «борцом». Словом, опять все идет по законам коммерции: «вы — нам, мы — вам».

Между тем, коль ты сказал «а», от тебя ждут уже и «б». И Глезер спешит отправить «открытое письмо» в газету «Вечерняя Москва». Забыв о том, как четыре года назад каялся, он встает в позу не только защитника, но и нападающего. Защищать ему все равно кого: привлеченного к

ответственности за уголовное преступление Ламма — пожалуйте. Так называемых «непризнанных», — как прикажете. «Моих ближайших друзей» — с удовольствием. Глезеру все равно, кого защищать. Важно — для чего. И важно, на кого и на что нападать. Почему же так? — спрашивается вопрос. А вот на него-то недвусмысленно ответила американская газета «Крисчен сайенс монитор» в одном из сентябрьских номеров.

«...Последний спектакль (имеется в виду инцидент с неудавшимся показом) укрепит мнение критиков разрядки напряженности». Эх, подвела газета Глезера! Уж очень откровенно высказалась. Есть, понимаете ли, такой неопровержимый факт — разрядка напряженности. Все прогрессивное человечество — сторонники ее. А по другую сторону — критики этой разрядки, которым спокойствие в мире ни к чему, во вред даже. И, оказывается, в этой-то оголтелой толпе «борец за свободу творчества» А.Д. Глезер, он ни много ни мало «укрепляет мнение» противников разрядки напряженности.

И становится ясным, на чью мельницу льет воду предприимчивый «борец». И становятся совсем уж видимыми ниточки за фигурой марionетки. Коллекционирование «произведений живописи», организация (если выбранный им обманчивый и провокационный путь вообще можно назвать организацией) выставок и показов — все это, так сказать, фасад личности А. Д. Глезера, фасад, видимый миру его поклонения. Но, как известно, коль есть фасад, то должна же быть и

обратная сторона его. Она есть, и, хотя А.Д. Глезер не желает ее афишировать, думается пришло время рассказать о ней нам, потому как эта обратная сторона ничуть не светлее фасадной.

« Деньги не пахнут » — эту формулу А.Д. Глезер усвоил давно. И памятуя о ней, предприимчивый « коллекционер » в свободное от своей деятельности « борца за свободу творчества » время занимается элементарной спекуляцией *) из-под полы. Однако и спекуляция эта особого толка. Не импортной кофточкой, а импортной пропагандой промышленяет А.Д. Глезер. Глезер торгует книгами, изданными опять-таки вдалеке. Так, например, одному крупному, находящемуся сейчас под следствием спекулянту книгами Глезер продавал « произведения » отъявленных антисоветчиков. Обратные адреса на обложках нам знакомы: « Международная литературная ассоциация в Мюнхене », издательство « Посев » и другие, столь же почитаемые в антисоветском мире организации.

Глезера сие не смущает, ведь « деньги — и, надо сказать, в этом случае немалые — не пахнут ». Ох, пахнут, Александр Давидович, эти деньги, да еще как плохо пахнут! И грязные они! Такие грязные, как и руки тех, кто передал вам эти книги для перепродажи.

Я начал фельетон с короткого описания тор-

*) Излюбленное обвинение властей в адрес диссидентов. За свободу они борются, дескать? ! Нет, деньги, гады, делают! Так народу понятней.

Таким вот образом легче всего возбудить в нем ненависть к инакомыслящим. (А.Г.)

жества сорокалетия, состоявшегося на квартире А.Д. Глезера. Вернемся к нему лишь затем, чтобы прочесть прикрепленный в тот памятный день к входной двери плакатик. Скромненький, но не без смысла. «Сорок лет — один ответ» — так было начертано на бумажке, которую мог увидеть всяк в квартиру входящий. Не будем заниматься казуистикой и искать тот подтекст, который вложил в этот лозунг сам Глезер. Но согласимся с ним в одном — в том, что сорок лет это уже солидный возраст, в этом возрасте человек действительно должен держать ответ за слова свои и поступки. И не пора ли общественности спросить у А.Д. Глезера ответ за все его неприглядные дела?

КГБ
ДОПРАШИВАЕТ ОРГАНИЗАТОРА ВЫСТАВОК
(«Таймс» 14.XII.74.)

Москва. 13 декабря. Сегодня КГБ арестовало Александра Глезера, сорокалетнего еврея, коллекционера живописи, который принимал активное участие в организации выставок нонконформистов. Его отпустили после трехчасового допроса. Глезер сообщил, что гебисты вели себя сдержанно и сказали ему, что он может свободно путешествовать по Советскому Союзу*).

*) Автор статьи ошибается. В. КГБ меня предупредили, что мои выезды из Москвы нежелательны и уж во всяком случае, чтобы я информировал следователя о каждом из них.

Друзья Глезера заявили, что он был арестован возле собственной квартиры после схватки с шестью полицейскими, часть из которых была в штатской одежде.

Вчера вечером г-н Глезер сообщил, что ему задавали вопросы, связанные со спекуляцией антисоветской литературой. Его поставили в известность, что он допрашивается в качестве возможного свидетеля по делу другого человека. Г-н Глезер добавил, что при обыске его квартиры гебисты изъяли книги Александра Солженицына, Владимира Набокова и Джорджа Орвелла.

Вчера же газета «Вечерняя Москва» обвинила самого Глезера в спекуляции антисоветской литературой и сказала, что он должен нести за это ответственность. Осенью этого года он помогал организовать две выставки нонконформистов на открытом воздухе в Москве. Бульдозеры уничтожили первую, но второй позволили состояться.

8000 ПОСЕТИТЕЛЕЙ
НА ЧЕТЫРЕХДНЕВНОЙ ВЫСТАВКЕ
НЕОФИЦИАЛЬНОГО ИСКУССТВА
В ЛЕНИНГРАДЕ

(« Геральд Трибюн » 27.XII.74.)

Москва. 26 декабря (Ассошиэйтед пресс). Примерно 8000 человек посетило четырехдневную выставку работ неофициальных художников в

Ленинграде. Об этом сообщил сегодня журналистам московский художник Оскар Рабин.

В выставке, которая закрылась вчера, приняли участие 49 художников, показавших около 200 картин. Ни один из этих живописцев не является членом Союза художников.

Г-н Рабин сказал, что в первый день выставки в ленинградском Дворце культуры был арестован и осужден на 10 суток тюрьмы за «неповиновение властям» московский коллекционер Александр Глезер.

ОРГАНИЗАТОР ВЫСТАВОК НЕОФИЦИАЛЬНОГО ИСКУССТВА УЕЗЖАЕТ ИЗ РОССИИ

(Агентство Рейтер 16.II.75.)

Александр Глезер, организатор недавних выставок неофициального искусства в Советском Союзе, вылетел сегодня в Вену с 80 картинами из его личной коллекции.

Друзья, провожавшие его в Шереметьевском аэропорту, сказали, что Глезер, уехавший с женой и сыном, надеется попасть в Лондон, если он получит формальное приглашение от английских знакомых, которые ждут его в Вене.

Глезер, поэт и коллекционер, подвергался все большему давлению властей, желающих, чтобы он покинул страну. Как еврею ему дали разрешение эмигрировать в Израиль, но он заявил, что собирается ехать в Лондон.

Юр. Нехорошев,
главный редактор журнала «Творчество»

АВАНГАРД МЕЩАНСТВА («Вечерняя Москва», 10.III.75.)

В одном из павильонов ВДНХ профсоюз художников-графиков организовал просмотр работ двадцати художников, которые называют себя «авангардистами».

Сам факт предоставления павильона свидетельствует о большом внимании, которое оказывается у нас художественному творчеству. Ведь кроме этой «микровыставки» (семьдесят работ), в столице работали и работают десятки других экспозиций, демонстрирующие сотни произведений профессионалов и любителей. Но почему именно эта выставка привлекла столь пристальное внимание прессы капиталистических стран? Прежде, чем ответить на вопрос, давайте вспомним некоторые самые «гвоздевые» ее экспонаты. Вот картина «Слово» Д. Плавинского — расчерченная на квадраты плоскость, как это делается для ребуса, и в каждой клетке — буквы. Они складываются в строчки — читаем: «Слово». Э. Штейнберг и А. Тяпушкин показали цветные пятна; Л. Мастеркова нарисовала полосы и круги с цифрами; А. Юликов — потоки разноокрашенных полос...

Кроме беспредметных сочинений есть и предметные. Вот девица несет кулич с горящей свечой, а вот дамы, одетые в кринолины, о чем-то меч-

тают (работы А. Харламова *); вот нагромождение самых разных предметов — книга, череп, монеты, каменный свод, хамелеон, весы («Романтический натюрморт» того же Д. Плавинского). На выставке демонстрировались и нарочито примитивно нарисованные портреты (В. Яковлев); картина, изображающая распластанную шкуру, сквозь которую просвечивают игральные карты (В. Немухин); сюжеты мистического склада — к примеру, летящая над морем многопудовая гиря, а в ее разрезе — страждущий лик великомученика (Э. Дробницкий); бегущие в ужасе толпы людей (П. Беленок)...

Не обошлось и без пошлостей. О. Рабин демонстрировал «Рубашку» — бредово-эротическое изображение женских форм; «Авиценна» О. Кандаурова — вставленные живот в живот женские торсы, образующие в целом некое подобие обнаженной фигуры с лицом...

Слух о «необыкновенности» искусства «авангардистов» и привлек к выставке наше внимание. В самом деле, такое встретишь не часто.

Ну, а теперь вопрос следующий: надо ли подобное показывать? Ведь каждый волен в свободное время заниматься своим «хобби», но вовсе не обязательно личные прихоти делать достоянием гласности. Уже три раза «авангардисты» демонстрировали свои создания — в Измайловском парке, в Центральном Доме работников искусств и

*) Речь идет об А. Харитонове, которого автор, очевидно, спутал с известным хоккеистом.

вот теперь на Выставке достижений народного хозяйства.

Показывать, по-моему, надо, хотя, может быть, и не столь часто. Пусть широкая публика сама удостоверится в истинной сути тех, кто считает себя «авангардистом», — это, во-первых. А во-вторых, эти выставки дают повод поговорить о сути «авангардного» творчества, показанного достаточно широко.

Общеизвестно, авангардом называется передовая, ведущая часть общества или класса; авангардисты — значит, новаторы, первооткрыватели. Что же новаторского видим мы на этот раз? Большинство работ — лишь рабское повторение (мягко выражаясь) тех открытий или экспериментов формального порядка, которые были за последние 75-80 лет в русском и европейском искусстве. Это мое утверждение легко проверить: возьмите альбомы, полистайте, и вы увидите, что нынешние «авангардисты» заимствуют все, что попадется им на глаза. Здесь и «Мир искусства», и абстрактный импрессионизм, сюрреализм и экспрессионизм, начало «поп-арта» и «новая вещественность», «наивные» и «кинетисты» — словом, с миру по нитке — «авангардисту» рубашка.

Известно, что повторение — мать учения, но известно также, что повторение в искусстве — смертельный враг творчества. Хорош авангард, плетущийся в обозе истории!

Быть новатором-реалистом не так-то просто. Поначалу надо овладеть мастерством, а это значит — потратить десять — пятнадцать лет на занятия рисунком, живописью, лепкой. А случается и

так : сколько ни учишь, учение впрок не идет. Рисуешь обнаженную модель, а все видят, что неумело; пишешь пейзаж, а очевидно — колорита не чувствуешь. Как тут быть? И вот изобретается прием. Если полуграмотно нарисованный торс обнаженной женщины поместить на фоне пейзажа, тоже плохо написанного, но этакое «посконно-русского», ну, скажем, покосившихся изб, — совершается вроде бы чудо. Появляется некий туманный подтекст. А можно и так — нарисовать куклу на фоне ветхой деревенской улицы, дохлую курицу перед скособочившимся особняком, дать всему этому соответствующие многозначительные названия — и получайте : картины О. Рабина «Пьяная кукла», «Курица в деревне Прилуки»...

Казалось бы, если все авторы разные — одни заимствуют у «Мира искусства», другие — у сюрреалистов и т. д., то что же их объединяет? Их объединяет нежелание замечать положительные тенденции развития нашей жизни, откровенное пренебрежение ко всему кроме собственного «я».

Советская современность, ее активный созидательный пафос, романтика будней и торжество трудовых побед «авангардистами» не замечаются. А если они и обращаются к дням нынешним, то с единственной целью — заявить о своем отчуждении от общепринятых норм и категорий. Жизнь видится ими как бы в кривом зеркале, они воспринимают ее как нечто сумеречное и безысходное. Не за эти ли «мировоззренческие качества» столь восторженно приветствуют их буржуазные комментаторы?

Ну, а в чем же причина возникновения «авангарда»? По-моему, не следует относить ее только за счет западных влияний. Подобная «общность интересов» имеет определенную почву. Если истинный художественный поиск — всегда открытие новых сторон жизни, новых характеров, то «авангардисты», как ни парадоксально, плетутся в хвосте, цепляются за все самое ущербное и отжившее, что когда-либо было в искусстве.

Истинный художник-новатор может обратить свое внимание и на недостатки, существующие в жизни. Но и в этом случае, обличая пороки, он делает это не злорадствуя, а во имя утверждения прогрессивных идеалов. «Авангард» захлебывается в пене мещанского брюзжания. Вот почему его искусство обречено на прозябание, как растение в подвале без солнца и чистого воздуха. Истинный талант всегда оригинален. Он открывает людям красоту новых сторон жизни, характеров, даже если обращается к темам историческим. Каждый талант двигает эстетическое познание человечества вперед. О художественной ценности творческих поисков очень точно сказал С. Эйзенштейн: «Диалектика произведения искусства строится... на том, что в нем происходит одновременно двойственный процесс: стремительное прогрессивное вознесение по линии высших идейных ступеней сознания и одновременно же проникновение через строение формы в слои самого глубинного чувственного мышления».

О каких же сторонах «прогрессивного вознесения» можно говорить, созерцая работы выше-названного «авангарда», какие новые художе-

ственные формы могут открыть те, кто представляет собой лишь эхо отшумевших течений века, кто прячется в скорлупу мещанства, раздраженно брюзжащего, созерцающего события сквозь черные очки скептицизма? Суть подобного рукоделия от искусства давно уже ясно и исчерпывающе определил М. Горький: «Что им делать в битве жизни? И вот мы видим, как они тревожно и жалко прячутся от нее, кто куда может — в темные уголки мистицизма и красивенькие беседки эстетики, построенные ими на скорую руку из краденого материала; печально и безнадежно бродят в лабиринтах метафизики и снова возвращаются на узенькие, засоренные хламом вековой лжи тропинки религии, всюду внося с собою клейкую пошлость, истерические стоны души, полной мелкого страха, свою бездарность, свое нахальство, и все, до чего они касаются, они осыпают градом красивеньких, но пустых и холодных слов, звенящих фальшиво и жалобно...»

Точнее о содержании выставок, которые были показаны, сказать невозможно.

И. Горин,
кандидат искусствоведения

ТРЕТЬЕГО ПУТИ НЕТ!

(«Московская правда» 17.V.75.)

На окраинных пустырях Москвы, в павильоне «Пчеловодство» на ВДНХ прошли показы фор-

малистических живописных работ, авторы которых буржуазной пропагандой давно уже окрещены « авангардистами ». Поскольку название это за ними сохраняется, то и мы воспользуемся им, хотя преобладающую часть этих формалистов точнее было бы именовать группой шарлатанов от искусства.

Поскольку в показах этих принимали участие одни и те же авторы, в большинстве своем с одними и теми же работами, то мы попытаемся дать здесь оценку не только художественной, но и политически-идейной направленности этого явления.

Что же собой представляют « работы авангардистов », которые пытаются активно пропагандировать свое « творчество », стяжая себе скандальную славу « непризнанных гениев ».

Представьте себе изображение растянутой на плоскости холста довольно грязной женской рубашки на фоне чуть приметных разваливающихся деревенских домов. В эту рубашку с потрепанными краями и с намеком на кружева натуралистически вписаны женские груди.

Водочные бутылки, селедки, покосившиеся избу, заборы, бараки — словом, убогая, пьяная Россия с деталями современной цивилизации — вот, зачастую, темы этих « живописцев ». Исполненные порой в реалистической изобразительной манере, подобные « произведения » направлены против окружающей действительности, являются откровенно антиобщественными.

Вот другой пример: на полотне крупным планом изображена до отвращения уродливая женщина, с укороченными ногами. Она сидит в зелени

луговой травы, с цветком ромашки в руке. За ней по лугу разбросано еще несколько мелких аналогичных фигурок. Сексуальное содержание выражено здесь в деформированной манере, лежащей где-то в пределах худшего варианта экспрессионизма.

Встречаются и такие «шедевры»: среди цветов на окне нарисовано обнаженное женское тело с головой... ослы!

Особенное внимание уделяют «авангардисты» мистико-религиозной тематике. Насыщенные символами, знаками, аллегориями религиозного содержания, их картины активно противопоставляются современности, ее нравственности, морали, законам. Изобразительные формы в этих работах самые различные — экспрессионизм, пуантелизм, сюрреализм.

Встречаются работы абстрактного направления. Эти, с позволения сказать, произведения сюжетного, изобразительного начала не несут, в них господствуют полосы, линии, контрасты и цветные пятна.

Встречаются среди авторов подобных «произведений» и последователи дадаизма, конструирующие свои «произведения» из отбросов — старой расчлененной мебели, тарелок, веревок, бумажек. Есть и кинетисты, примитивисты, подражающие наивному творчеству.

Какое же образное содержание, какие идеи несут в себе эти так называемые произведения авангардистов? Большая часть работ абстрактного свойства бессодержательна и безыдейна, в ряде

работ налицо попытка что-то сконструировать, но что — также не ясно и потому бессмысленно.

В некоторых работах присутствует сюжетное начало, но существующий мир искажен, гипертрофирован. В одних случаях это сексуальная патология, болезненно деформированные лица, фигуры людей, в других — убогие жилища и улицы, третьи напичканы изображением не согласующихся предметов, символов с претензией на философское содержание.

Художественные формы в них до предела упрощены, схематичны. Это «искусство», естественно, не имеет ничего общего с нашей действительностью, искажает нормальные человеческие чувства и отношения, уродует красоту людей и природы. При всем формалистическом разностилье большинство этих авторов объединяет одно — равнодушие и пренебрежение к оценке их работ советскими людьми. В то же время предметом кичливого самообольщения для них является реклама, состряпанная буржуазной критикой.

Кто же такие эти так называемые «авангардисты»? Большая часть участников этих показов, — например, в Измайловском парке их было около 80, — двадцатилетние молодые люди, без специального образования, имеющие самую начальную художественную подготовку. Другая часть — это недоучившиеся по разным причинам художники.

Среди этих «художников» изредка встречаются люди способные, ищущие. Их единицы, но и они из-за сомнительного окружения, незнания жизни, отсутствия интереса к ее узнаванию, в силу апо-

литичности и острого желания пусть скандальной, но славы, встали на путь создания произведений, чуждых нам по духу и направленности.

И вот тут-то, пожалуй, следует сказать о главном. Показанные работы — впрочем, как и те, что остались в мастерских, в большинстве своем настолько немощны, слабы, что говорить о них всерьез, если бы они не несли в себе антихудожественного, а нередко и антигуманистического содержания, нет никакого желания. Ни цвета, ни линии, ни умения строить композицию, ни колорита — ничего этого нет.

Именно поэтому наши советские искусствоведы, ведущие мастера живописи не находят повода для серьезного разговора о такого рода «творчестве». Слабые и доморощенные эксперименты «авангардистов», естественно, не могут стать предметом профессионального анализа уже потому, что по сути своей не являются искусством. Но находятся горе-коллекционеры, которые в погоне за пошловатой сенсацией стараются заполучить эту формалистическую мазню, демонстрируя тем самым не только свое интеллектуальное убожество, но и единую с «авангардистами» антиобщественную позицию.

И вст, когда сопоставляешь, с одной стороны, профессионально слабые работы, бездарную мазню, пошлость, претензии на новое слово в искусстве, а с другой — хвалебную буржуазную информацию в адрес советских «авангардистов», то становится совершенно очевидно, что речь идет не о свободе творчества, но о политике, о борьбе

двух идеологий — коммунистической и буржуазной.

В самом деле, смешно было бы полагать, будто на Западе не понимают художественного качества работ этих формалистов. Их собственные многолетние опыты в этом направлении куда как изощреннее! Нет, они отлично понимают художественную несостоятельность их творчества и тем не менее пропагандируют его. При этом пропаганда носит отнюдь не профессиональный характер. Она сознательно и планомерно раздувает несуществующую проблему якобы отсутствующей свободы творчества советских художников, побуждает кучку шарлатанов противопоставить свою антигуманную, антиэстетическую позицию марксистской эстетике, социалистическом реализму. Разве не свидетельствует об этом непосредственное участие некоторых западных дипломатов и представителей буржуазных газет в скандальных историях вокруг формалистических показов?

Пропагандисты буржуазной культуры ищут и поддерживают те явления в нашем искусстве, в которых так или иначе видят черты идейного или формального сходства с буржуазным искусством, несовместимые с нашим мировоззрением, с советским образом жизни.

Многие из так называемых «авангардистов» хотят отмежеваться от идеологии и избрать некий третий путь. Но такого пути, как очевидно сегодня всякому, не существует, что, кстати, они и доказали своим «творчеством». У них не невинные игры в «чистое искусство», а по существу активная проповедь буржуазной идеологии.

Спрашивается, нужны ли нам выставки такого содержания? Думается, что нет. Подобные показы не только не содействуют эстетическому воспитанию нашей молодежи, но и препятствуют правильному формированию их общественной позиции.

Но самый факт их появления настоятельно требует от творческой организации художников решительного улучшения выставочной деятельности. Необходимо искать новые формы и методы работы со зрителями. Беседы искусствоведов у выставочных стендов, направленное обсуждение экспозиций, квалифицированные лекции по истории искусств, встречи с ведущими мастерами кисти и резца, — все это призвано способствовать эстетическому воспитанию зрителей, формированию у них художественного вкуса, научить их безошибочно отделять подлинные художественные ценности от мнимых.

Давно уже назрела необходимость поставить вопрос о повышении требовательности к идейно-творческому воспитанию молодых художников в наших учебных заведениях. Здесь формируются мировоззрение, профессиональное мастерство будущих художников, и велика мера ответственности руководителей вузов и училищ перед советским зрителем за то, что скажет в искусстве их завтрашний ученик.

Советское искусство настойчиво выступает за поиски новых средств выразительности во имя ясно осознанной цели — в интересах глубокого раскрытия духовного мира человека, больших тем современности. Но нельзя допускать, чтобы под

видом новаторства и творческих поисков к нам проникала вражеская идеология.

Дмитрий Налбандян
Народный художник СССР

ФАЛЬШИВЫЕ ЦЕННОСТИ АБСТРАКЦИОНИЗМА

(« Огонек » № 32, август 75. Отрывки из статьи)

...Некоторое время назад западная печать и радио, захлебываясь от панегириков, оповестили весь мир о наших так называемых « авангардистах », выставки которых состоялись в Измайловском парке Москвы и на ВДНХ. Что же привлекло внимание этих « ценителей » искусства, на что были направлены их восторженные славословия ?

Абстрактные поделки, притом не самые изощренные, далеко отставшие от того, что есть в этом роде на Западе. Созданы они Д. Плавинским и Э. Штейнбергом, А. Мастерковой и А. Тяпушкиным. Здесь же были представлены примитивы В. Яковлева, сюрреалистические символы В. Немухина, мистические сюжеты Э. Дробницкой и П. Беленка. И наконец мещанское злословие и брюзжание О. Рабина, выставившего, например, такое свое очередное творение, как « Рубашка » — на фоне разваливающихся деревянных по-

строек изображение грязного женского белья, в которое вписана грудь. Пьяная кукла среди деревенской улицы, дохлая курица у скосбоченной избы — вот темы этого идейного вдохновителя, неназванного вожака отечественных «авангардистов».

Естественно, что подобные вещицы — клад для наших недоброжелателей, которые тут же объявили передовым искусством эти антиэстетические, малохудожественные поделки, выполненные в основном людьми, не имеющими специального образования или недоучившимися.

Да, такая живопись вполне устраивает наших идейных противников. Вместо светлых идеалов, героики социалистических будней, глубокого, всестороннего осмысления жизни — мрачная мистика, злорадные, мнимозначительные обобщения, безысходность, убогость духа. Империалистические монополии тратят миллионы долларов на поддержание формалистических направлений и на пропаганду их во всем мире. При этом искусство реалистическое, обращенное к народу, не только не поощряется, но и подвергается гонению...

... Отрекаясь от самого святого, что есть у человека, — Родины, модернистам ничего не стоит отвергнуть и бесспорные ценности реалистического искусства. Наши доморощенные «авангардисты» и их западные покровители, например, всерьез утверждают, что те непрофессиональные поделки, которые зрители могли видеть в прошлом году на их выставках, новаторство. На самом деле мы видели в этих экспозициях всего

лишь жалкое подражание формалистическим трюкам 20-х годов, которые сегодня кому-то показались откровением...

... Выступая в прошлом году на XVII съезде комсомола, Леонид Ильич Брежнев заметил :

« За свою большую историю советская литература и искусство знали немало попыток увести их в сторону от жизни, оторвать от наших идеалов. Да и сейчас на Западе не отказались от этих устремлений. Отдельные отщепенцы и заблудшие люди и у нас пытались подпевать нашим классовым идейным врагам. Но все их потуги оказались тщетными. Почва у нас крайне неподходящая для произрастания подобных сорняков ».

Почва у нас действительно неподходящая для формалистических изысканий, чуждых и непонятных трудовому человеку. Заканчивая эти заметки о бесплодности и вредности формалистических откровений « авангардистов », хочу напомнить слова В.И. Ленина, которые каждый художник должен всегда помнить и руководствоваться ими в своей практике : « Важно... не то, что дает искусство нескольким сотням, даже нескольким тысячам общего количества населения, исчисляемого миллионами. Искусство принадлежит народу. Оно должно уходить своими глубочайшими корнями в самую толщу широких трудящихся масс. Оно должно быть понятно этим массам и любимо ими. Оно должно объединять чувство, мысль и волю этих масс, поднимать их. Оно должно пробуждать в них художников и развивать их ».

Николь Занд

НЕОФИЦИАЛЬНЫЕ ХУДОЖНИКИ
ОТКРЫВАЮТ ВТОРОЙ ОСЕННИЙ САЛОН
В МОСКВЕ

(« Монд » 23. IX.75.)

Приблизительно 160 художников. Более 750 работ (живопись, коллаж, живые картины и т. д.) — на двух этажах обширного Дворца культуры ВДНХ. Никаких афиш и никакого рода объявлений о выставке. Тем не менее в этот замечательный осенний уик-энд — лишь одна длинная очередь на всем ВДНХ — это жаждущие попасть на выставку, терпеливо ожидающие момента, когда они увидят работы неофициальных художников. 21 сентября в 11 часов утра с 24-х часовым опозданием был открыт второй осенний салон.

Эта официальная выставка неофициальных художников, организованная с помощью властей, является одной из важнейших манифестаций подобного рода. Открытая в течение десяти дней с 11 до 18 часов, она ярко отметит две годовщины одновременно : годовщину так называемой « бульдозерной » выставки — 15 сентября 1974 года, когда художникам *силой* запретили показывать свои картины, и экспозиции в Измайловском парке, состоявшейся двумя неделями позже.

Нынешняя выставка была, однако, под угрозой срыва. Открытие намечалось на субботу 20 сентября в 2 часа. Накануне к вечеру специальная комиссия решила запретить выставлять сорок одну из предложенных работ, которые « подпада-

ли под статьи уголовного кодекса » и обвинялись в антисоветизме, сионизме, порнографии, оскорблении материнского чувства и т. д. Художники, увидевшие в момент открытия, что эти полотна убраны, тут же, почти в полном составе, решили солидаризоваться со своими отвергнутыми товарищами и сняли свои картины. Немедленно закрытая и окруженная милицией выставка находилась под угрозой срыва, и несколько тысяч ждавших с утра зрителей к 4-м часам разошлись.

Однако атмосферу удалось разрядить : нагнетание злобы и раздражения было вовсе не в интересах властей. « Когда откроется выставка ? » — нетерпеливо спрашивали ждущие у входа. « Звоните в справочное бюро », — с издевкой отвечали милиционеры. Один добавил : « Или лучше послушайте « Голос Америки ». В то же время стало известно, что посаженный 11-го сентября на 15 суток художник Эдуард Зеленин освобожден. Впрочем, после многочасовых препирательств с заместителем председателя отдела культуры Моссовета Шкодиным половина запрещенных работ была допущена к просмотру. Одна из них изображает гнездо, в котором три художника высиживают яйца, а над ними висит объявление : « Осторожно, идет опыт ! » Среди окончательно и бесповоротно отвергнутых картин — « Паспорт » Оскара Рабина, выполненный в нарочито реалистической манере : « Национальность » — « Еврей »; знамя с лозунгом — « Страна без границ ! » — произведение « группы волосатых »; портрет президента Мао, отклоненный по причине : « Нам нельзя портить отношения с Китаем ».

Среди выставленных работ представлены самые разнообразные жанры — абстракционизм, критический реализм, реализм фантастический, пост-сюрреализм, религиозные сюжеты, политическая сатира и т. д. Как и предыдущие манифестации подобного рода, официальный салон будет несомненно использован для самых озлобленных нападок со стороны критики.

Зато « Вечерняя Москва », не дожидаясь открытия, опубликовала исключительно хвалебную статью на сверхконформистскую выставку художников Москвы, посвященную XXV съезду партии. При входе на выставку — гигантский бюст Брежнева с выдающимися вперед бровями и все тот же Ленин, несущий бревно во время первого коммунистического субботника.

Петер Оснос

ТРИ МОСКОВСКИХ ВЫСТАВКИ В ВОСПРИЯТИИ АМЕРИКАНЦЕВ

(« Русская Мысль » 23.X.75. Отрывки из статьи,
перепечатанной русской газетой из
« Вашингтон пост »)

Успехом пользуются выставленные в Музее изобразительных искусств имени Пушкина шедевры из нью-йоркского Метрополитен мюзеум, а также размещенные во Дворце культуры свыше 800 работ 143 « неофициальных » московских ху-

дожников, о которых широкая публика узнала только за последний год...

... Здесь царит умопомрачительная смесь стилей, тем и качества. По соглашению с властями сами художники наложили табу на «антисоветские» и порнографические сюжеты. Тем не менее разнообразие подходов делает невозможной какую бы то ни было классификацию. Здесь представлены сюрреализм, экспрессионизм, реализм, абстракционизм, примитивизм, искусство-поп, а также подражания столь различным знаменитостям, как Фрэнсис Бэкон, Энди Уорхол, Пикассо и Марк Шагал.

В худшем случае картины претенциозны, любительски и незрелы. Лучшие работы прекрасны, волнующи и потрясающе откровенны в отображении истинного мироощущения русских современников.

Шум переполненных комнат, беспорядок размещения картин, оживленные комментарии посетителей создают ощущение динамизма и спонтанности, к которым привыкли на Западе. Но для советской публики, приученной к подчинению, это нечто новое. В целом произведения художников на этой выставке бросают вызов зрителям, которые, повидимому, находят эти впечатления освежающими.

Постоянная настороженность советских властей к современному искусству объясняется тем, что его жизненность и разнообразие могут «заразить» другие области культуры и тем самым значительно затруднить государственный контроль над идеологией.

ДОКУМЕНТЫ

ПРИГЛАСИТЕЛЬНЫЙ БИЛЕТ НА ВЫСТАВКУ
15 СЕНТЯБРЯ 1974 ГОДА

Приглашаем Вас

на первый осенний просмотр картин
на открытом воздухе

с участием художников : О. Рабина, Е. Рухина,
В. Немухина, Л. Мастерковой, Н. Эльской,
Ю. Жарких, А. Рабина, Боруха Штейнберга,
А. Меламида, В. Комара, В. Ситникова,
В. Воробьева, И. Холина *).

Просмотр картин состоится
15 сентября 1974 г. с 12 до 14 часов
по адресу : конец Профсоюзной ул. до
пересечения с ул. Островитянова.

ОБРАЩЕНИЕ
К СОВЕТСКОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ

15 сентября сего года двадцать четыре художника из Москвы, Ленинграда, Пскова и Владимира хотели провести первый осенний просмотр картин

*) Позже к ним присоединились О. Трипольский Э. Зеленин, Р. Заневская, С. Бордачев, В. Пирогова и другие. В выставке приняло участие 24 художника.

на открытом воздухе. О своем решении провести этот просмотр художники предупредили Моссовет, направив туда 2 сентября письмо.

Работники Моссовета во главе с К.А. Сухиничем не уведомили художников о невозможности или запрещении показа картин на выбранном ими месте на пустыре, вдали от городских магистралей.

Но в 12 часов дня 15 сентября художников и многочисленных зрителей на месте предполагаемого показа картин встретила милиция, люди в штатском, самосвалы, и бульдозеры. У художников отнимали картины, выкручивали и выламывали руки. Бульдозеристы буквально охотились за художниками, картинами и зрителями. Один из бульдозеристов, прорезав картины Оскара Рабина, сбил с ног художника. Другой врезался в смешавшуюся толпу людей. Поливальные машины разгоняли художников и зрителей мощными струями воды. Бесчинствовавшие молодчики уничтожили с помощью машин и разожженных костров 18 картин. Пятеро художников было задержано милицией, которая, к нашему удивлению, приняла самое активное участие в избиении художников и уничтожении их работ.

В связи с происшедшим мы требуем расследования этих позорных для нашей страны фактов, наказания виновных лиц и возвращения уцелевших картин.

Мы также извещаем вас, что через две недели, в воскресенье, осуществим сорванный злонамеренными людьми показ наших картин на открытом воздухе в том же самом месте.

В связи с этим мы просим вас указать милиции и другим органам охраны порядка на необходимость не способствовать варварству и хулиганству, а защищать от него — в данном случае зрителей, художников и произведения искусства.

Подписи :

*Оскар Рабин
Александр Глезер
Владимир Немухин
Юрий Жарких
Александр Рабин
Евгений Рухин
Надежда Эльская
Лидия Мастеркова
Борух Штейнберг
Александр Меламид
Вадим Комар
и другие.*

16.IX.1974 г.

ПРИГЛАСИТЕЛЬНЫЙ БИЛЕТ НА ВЫСТАВКУ
29 СЕНТЯБРЯ 1974 ГОДА

Группа художников имеет честь
пригласить Вас на второй осенний просмотр
картин на открытом воздухе.

Просмотр состоится 29 сентября 1974 г.
с 12 ч. до 16 ч.

В лесопарке Измайлово.

Адрес : метро Измайловская

Проезд на машинах по Первомайской ул., далее
поворот на 3-Парковую ул. до конца.

План прохода на выставку
от метро «Измайловская»

Министру внутренних дел СССР тов. Щелокову

ЗАЯВЛЕНИЕ

Мы обращаемся к Вам не только как к министру внутренних дел, но и как к члену нашего правительства с просьбой в возможно короткий срок рассмотреть это заявление и разъяснить нам, что же происходит в течение последних нескольких месяцев с некоторыми художниками и их знакомыми.

Сегодня, 22 октября 1974 г., мы присутствовали при выселении из квартиры Хмелевой Аиды, матери пятерых детей, и ее мужа Владимира Сычева. Под руководством лейтенанта отделения милиции без предъявления санкции прокурора были взломаны двери и насильно вывезены вещи якобы на новую квартиру, адреса которой хозяйкам даже не сообщили. Рабочие ЖЭКа под предводительством работника милиции сорвали со стен и исковеркали картины из коллекции Аиды Хмелевой, изуродовали мебель, разбросали детские вещи и книги. Все это происходило на глазах малолетних детей, одному из которых девять месяцев, при свидетелях. Милиция и рабочие вели себя возмутительно грубо, пренебрегая законностью.

То, что произошло сегодня с Аидой Хмелевой, ее мужем Вл. Сычевым и их детьми, напомнило нам инцидент 15 сентября на пересечении улиц Профсоюзной и Островитянова во время показа картин, в котором Вл. Сычев принимал активное

участие. Мы вспомнили костры, в которых горели наши картины; бульдозеры, поливальные машины, людей в штатском, крутивших руки художникам, намеренно избитых дипломатов и журналистов и милицию, которая не только не препятствовала, а, наоборот, способствовала расправе над людьми.

Насколько нам известно, те люди, которые организовали это побоище, понесли заслуженное наказание. Перед незаконно арестованными извинились. Мы просили наше правительство содействовать тому, чтобы разум и справедливость восторжествовали. Результатом был разрешенный Моссоветом показ картин на открытом воздухе в Измайлове 29 сентября 1974 года. Казалось, на этом можно поставить точку. Но, к сожалению, события, развернувшиеся после 29 сентября, заставляют думать, что люди, которые спровоцировали расправу 15 сентября, и сейчас осуществляют свою темную политику шантажа и угроз, принимающих ныне форму террора.

В начале этого года у ленинградского художника Е. Рухина бьют стекла в квартире, где находится его жена и трое маленьких детей (один из них новорожденный). Отношение к этому факту работников милиции ясно говорит о том, что это невозможно расценивать как бытовое хулиганство. Одновременно другого ленинградского художника Ю. Жарких вызывают в КГБ и предлагают доносить на своих друзей художников и иностранцев, с которыми он встречается. В квартире московского художника О. Рабина днем и ночью на протяжении нескольких месяцев разда-

вались провокационные телефонные звонки с угрозами. Милиция под любыми предлогами врывается в квартиру. О. Рабина без конца вызывали и к начальнику отделения, который угрожал ему выселением, лишением прописки и принудительным трудом. К московским художникам, Комару и Меламиду, ворвалась в дом милиция, в то время как они мирно показывали свои картины друзьям. Всех присутствовавших в квартире без всяких на то оснований отвезли в отделение милиции и продержали до поздней ночи.

В этом заявлении мы перечислили лишь некоторые инциденты, имевшие место за последнее время. Если рассмотрением нашей просьбы займутся люди, имеющие в виду пользу государства, а не вред ему, мы сможем привести и другие примеры так называемого «воздействия» на художников и их друзей. Особенно прискорбным является тот факт, что после показа картин 29 сентября в Измайлове, круг художников и их друзей, подвергающихся репрессиям, сильно расширился.

К художнице Л. Мастерковой приходит участковый милиционер с двумя людьми в штатском и без объяснения причин требует, чтобы она явилась к начальнику отделения милиции. В противном случае угрожает применить силу. Начальник отделения составляет протокол и объявляет ей о том, что если она в двадцатидневный срок не устроится на работу, то ей грозит год принудительных работ. К художнику С. Бордачеву, состоящему на учете в психиатрическом диспансере, ночью является милиция и штатские и под угро-

зой отправки в психбольницу берут с него подписку о неучастии в каких бы то ни было выставках. К художникам В. Кропивницкой, Н. Эльской, Р. Заневской, О. Трипольскому, А. Рабину, И. Холину применяются те же методы. Математику В. Тупицыну после избияния в машине 90-го отделения милиции за участие в показе картин 15 сентября в качестве зрителя были созданы на работе недопустимые условия, в результате чего ему пришлось уволиться « по собственному желанию ». Помимо этого в его квартиру также являлась милиция с проверкой документов и с требованием предъявить справку с места работы.

Но не только руками милиции, прокуратуры, ЖЭКов, отделов кадров делается это дело. КГБ уже давно использует следствие по делу В. Мороза, чтобы проводить профилактическую работу с художниками. Допросы длятся по нескольку часов, а о В. Морозе вопрос только один : « Был ли ваш телефон в записной книжке Мороза ? И все. Дальше — о художниках и иностранцах. Вызывает КГБ и без всякого предлога. Побеседовать. Фотограф И. Пальмин таким образом беседовал три часа. А результат ? — Угроза, что если и в дальнейшем он не перестанет встречаться с иностранцами и художниками, то его посадят ! Заставили подписать предупреждение.

Однако хватает. Если еще понадобятся факты, их будет предостаточно. До сегодняшнего дня в ход пускались угрозы на словах и на бумаге. Случай же, произошедший сегодня с нашими друзьями Аидой Хмелевой, Владимиром Сычевым и их пятью детьми, заставляет нас думать, что в

любое время нечто подобное может произойти с каждым из нас.

Мы просим встречи с любым уполномоченным Вашими органами лицом. Мы просим объяснения происходящих событий. Мы не обращаемся по инстанциям, так как помним опыт двухнедельных переговоров с Моссоветом и результат — 15 сентября. После 15 сентября мы обратились к нашему Правительству — и разум восторжествовал над самоуправством. К нашему сожалению, все, что последовало за 29 сентября, говорит о том, что какие-то темные силы хотят перечеркнуть положительныe результаты 29 сентября и по-новому, в другой форме, осуществить расправу, аналогичную той, которая была 15 сентября, и не принесла ее вдохновителям ничего, кроме позора, а нашему государству — вреда.

Мы еще раз убедительно просим Вас рассмотреть наше заявление в возможно более короткий срок и дать ответ, ибо экспериментировать с живыми людьми при помощи насилия и террора можно только до известного предела. И когда этот предел будет перейден, никто не в праве требовать от людей разумных решений.

*Оскар Рабин
Александр Рабин
Александр Глезер
Надежда Эльская,
Юрий Жарких
Евгений Рухин
и другие *)*

22 октября 1974 года.

*) Копия письма с подписями изъята у меня гебистами при обыске 12 декабря 1974 года.

Главному редактору газеты
« Вечерняя Москва » С.Д. Индурскому

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

Уважаемый товарищ редактор!

Я, поэт и коллекционер современной русской живописи, вовсе не собирался братья за перо, чтобы дискутировать с народным художником РСФСР Ф. Решетниковым, который на страницах Вашей газеты недоброжелательно отозвался о выставке в Измайловском парке двадцать девятого сентября сего года. Но теперь, когда буквально через несколько дней Ваша газета опубликовала язвительную и угрожающую статью Н. Рыбальченко о творчестве художников, принявших участие в показе картин в Измайлове, я молчать уже не могу, ибо не может молчать моя совесть.

И если Ваша газета сочла необходимым напечатать за короткий отрезок времени две статьи, явно враждебных по отношению к художникам, которых одни называют нонконформистами, а другие — модернистами, то я прошу Вас найти возможность опубликовать и мое небольшое письмо.

С чего начинает свою статью Н. Рыбальченко? Она пишет о картине художника Ламма « Сломанная жизнь ». Но как организатор выставки в Измайлове и как составитель каталога, я знаю, что картины с таким названием там не экспонировались. Более того, такой картины Ламм никогда не писал. В чем же дело? Зачем Н. Рыбальченко придумала эту картину? Вам не известно?

Что же, постараюсь объяснить ситуацию и Вам, и читателям « Вечерней Москвы ».

Я лично не знаю художника Ламма, члена Союза художников СССР, обладателя целого ряда наград за оформленные им книги, я его никогда не видел. Но мне известно, что художник Ламм через три недели после подачи заявления о выезде в государство Израиль был арестован, обвинен в каком-то уголовном преступлении, которое он, якобы, совершил еще в 1969 году, и уже десять месяцев находится в заключении под следствием.

Почему же пугает нас Н. Рыбальченко? По собственному желанию или по указанию тех одетых в штатское работников милиции, которые пятнадцатого сентября жгли картины на костре? И в том и в другом случае угроза эта не испугает тех, кто знает, на что идет, борясь за свободу творчества. И меньше всего напугает она моего ближайшего друга Оскара Рабина, которому прежде всего адресована.

Действительно, Н. Рыбальченко умудрилась не заметить в Измайлове художников, которые выставлялись в музеях и картинных галереях Нью-Йорка, Парижа, Рима, Сопота, таких, как Л. Мастеркова, В. Немухин, Е. Рухин и многих других известных мастеров. Она издевалась над творчеством совсем еще молодых художников. Но Оскара Рабина она увидела и посвятила ему мрачные строки. Дескать, двадцать лет он экспериментирует, дескать, его холодное и тяжелое творчество враждебно действительности. А где доказательства? Н. Рыбальченко пишет: вот разорванная

женская рубашка, ощипанная курица в деревне Прилуки. Это о картинах О. Рабина, выставленных в Измайлове. Неужто разорванная женская рубашка или ощипанная курица могут говорить о враждебном отношении художника к окружающей жизни? Только в воспаленном мозгу очень недоброжелательного человека могут появиться столь странные подозрения и обвинения.

И уж совершенно удивительны заключительные строки статьи Н. Рыбальченко. Она пишет о злом умысле художников, принявших участие в выставке в Измайлове, который «продиктован враждебным отношением к русской культуре». Это по-русски называется валить с больной головы на здоровую. Нет, не художники, которые хотят выставляться не только за рубежом, но и в первую очередь у себя на Родине, враждебно относятся к русской культуре. К ней враждебно относятся те, кто пятнадцатого сентября вел бульдозеры на художников и картины, те, кто физически уничтожил В. Мейерхольда, больших русских писателей О. Мандельштама, Б. Корнилова, И. Бабеля, те, по чьему велению уже пять десятилетий глубоко в запасниках государственных музеев прячут от русского народа картины великих русских художников — В. Кандинского, К. Малевича, М. Шагала.

С уважением

Александр Глезер

24.X.1974 г.

Происшествие на пустыре описывалось также в самиздатской «Хронике текущих событий» № 34. В сообщении упоминалась и нижеследующая статья, появившаяся в Самиздате.

ДВА ДНЯ В СЕНТЯБРЕ

« Дикарь не знает середины: он или хватает вас за горло, или становится на колени », — утверждал Черчилль. Но средний путь — гарантия стабильности. Он складывается из компромиссов, когда возникает конфликт между обществом и государством. Стабильность общественной жизни является целью государственных институтов.

Эти, в общем, банальные вещи приходят на ум после посещения осеннего просмотра картин. Его пытались устроить московские, ленинградские и владимирские художники. Просмотр должен был состояться 15 сентября 1975 г. Праздник искусства превратился в побоище, организованное, к сожалению, властями. Результат его плачевен: около двадцати картин повреждено, пять уничтожено — частью огнем, частью ножами бульдозеров.

В перелеске возле пустыря в Беляево, где предстоял просмотр, уже с утра 15 сентября караулили наиболее активные ценители живописи. Их было около сотни. Из-за дождика и тумана трудно было определить ее цвет.

Только один художник успел поднять свою картину на подставку, — она тут же была сброшена на землю. Тем временем подходили остальные художники. Первыми встретили их представители

власти в милицейской форме. Нота бене : затем представители власти исчезли, однако арестованные художники были обвинены в «сопротивлении властям». Однако власти не решились обнаружить себя в качестве таковых : бесчинствовали граждане « в штатском », не предъявившие никаких документов. Посетитель видел здесь : грузовик с саженцами, трактор, бульдозер, три машины, применяющиеся в Европе для полива улиц.

У метро были задержаны художник Оскар Рабин и коллекционер Александр Глезер. Их обвинили в краже картин. Традиция русской культуры оживала на глазах : если унтер-офицерская вдова сама себя высекла, то Рабин, конечно, украл картины у самого себя. Но вопреки традиции, руки разжались, и Рабин с Глезером дошли до места праздника искусств.

Что видел дальше любитель живописи ? Сотрудники милиции исчезли. Остались лица в штатском, которые вели себя гораздо активнее, чем сотрудники милиции. Кто были эти люди ? Ясно одно : это были настоящие знатоки, « усвоившие всю культуру, накопленную до них человечеством ». Начали работать бульдозеры. Посетители, естественно, уклонялись от них, картины, натурально, вырывали из рук авторов, забрасывали на грузовики с землей. Художники кричали : « Где мы их найдем ? » — « Как где ? — удивились истинные ценители живописи, завсегдатаи Лувра, Третьяковки и других минералогических музеев. — На свалке ! » Заломив руки, увели художника Рухина. « Мазня ! » — заявил стоявший рядом со мною знаток и ударил лакированным ботинком в

картину Надежды Эльской. Другие знатоки молча топтали произведение Лидии Мастерковой.

Но знаток живописи, управлявший, простите, бульдозером, уже ехал на «мазню» Оскара Рабина, а заодно и на самого художника. Ловкий маневр — и захрустели картины. Еще маневр — и художник, сбитый ножом бульдозера, падает, с ним падает и его сын Александр, тоже художник, но не на землю! Этого не допустят настоящие ценители, усвоившие все культурное наследие человечества, замечательные бульдозеристы, — они заламывают руки живописцам и волокут их к автомобилям...

Конечно, были иностранцы. Без них никак. «На этот раз все кончено», — сказал я по-французски иностранцу, оказавшемуся по странной случайности рядом. «Дер тыш», — отвечал тот, долго подумав. Странность эта разъяснилась позднее.

Где же были представители власти? — «Не доводите нас!» — крикнул человек в штатском, наступая на художников. — «Умные люди, а не понимают, что ничего не выйдет», — сказал рядом другой искусствовед в штатском. — «Если не уйдете — сожжем картины», — кричал еще кто-то, и перед глазами встали кадры известного кинофильма Михаила Ромма *).

И вдруг — наконец-то! — подъехала машина. Толстая женщина вытацила кумач и стала разворачивать его. — «Чего пришли! — нетвердо кричала она, покачиваясь. — Рабочему классу не даете работать? Езжайте, откуда приехали!» —

*) «Обыкновенный фашизм».

Перед глазами возникла надпись « все на субботник ». (В воскресенье, может быть, полагается воскресник ?) Но « субботник » уже прошел, и прошел успешно : около двадцати картин конфисковано, пятеро художников арестовано. Почему опоздал лозунг — неизвестно.

Тем временем дали поддых какой-то иностранной корреспондентке, какому-то иностранцу разбили лоб его собственным фотоаппаратом, — все шло по плану субботника.

Тем временем выяснилось, что группа советских граждан была одета « под иностранцев », и с одним из них я и имел удовольствие заговорить и кое-что заподозрить. Выяснилось, что в рейсовых автобусах, идущих мимо места событий, имеются ценители живописи, которые на вопрос взволнованных пассажиров : « Что происходит ? » — отвечают : « Это есть иностранцы, уезжающие из России, сажают на память о себе деревья. Какие-то хулиганы им этого не дают, вот их и разгоняют ».

Чистая правда : ударила вода из поливочной машины и окатила тех зрителей, которые перешли к тому времени на бугор, что напротив места несостоявшегося осеннего просмотра картин. Машина поливала, пока не побежали. Азартный бульдозерист гонялся за одиночками.

Так прошла выставка, о которой художники предупредили Моссовет. Тот не издал запрещения и по существу уклонился от решения вопроса, но затем решил его своеобразным способом.

Я решительно не согласен с обвинением О. Рабина, Е. Рухина, А. Рабина, Н. Эльской, В. Сычева

в сопротивлении властям. Для того, чтобы не нарушить закон, необходимо, чтобы он был опубликован. Для того, чтобы не сопротивляться властям, нужно знать, что нападающие на тебя являются представителями власти. 15 сентября 1974 года власти не назывались властями. Власти должны быть властями всегда и при всех обстоятельствах, — это условие законности, тем более, как говорится, социалистической...

Попробуем реконструировать план властей на 15 сентября 1974 г. 2 сентября группа московских художников подает в Моссовет извещение о намерении устроить просмотр картин. Вопрос обсуждается администрацией в течение двух недель. МОСХ не предоставляет письменного заключения о картинах, предъявленных ему художниками по просьбе Моссовета. Тот не издает никакого запрещения на просмотр.

15 сентября группа лиц, переодетых иностранцами, приезжает на указанный в заявлении пустырь в районе метро «Беляево». Соответствующие лица занимают бетонированный под автомобильную стоянку участок, — на случай, если художники «обманут» и расставят свои картины там. На пустыре развешивается плакат «Все на воскресник» (вследствие, допустим, спешки было написано «Все на субботник»). Присутствующие «иностранцы» («дер тыш») начинают сажать десятка два саженцев — на пустыре, где уместятся тысячи деревьев. Пришедших художников встречают гневными криками и, возмущенные вмешательством художников в дело озеленения столицы, начинают озеленять лица с помощью лопат и дру-

гих сопутствующих инструментов. Дело кончается изобличением и наказанием « хулиганов ».

**
*

Несколько черт характеризуют деятельность московской администрации в этот день. Непоследовательность : задержанных в метро О. Рабина и А. Глезера выпускают, чтобы они дошли до места событий и попали под бульдозер, — на глазах многочисленных москвичей, иностранных дипломатов и корреспондентов; только после схватки с бульдозером О. Рабина арестовывают. Нерешительность : сообщив о своем намерении устроить выставку, художники выдали расписку в лояльности. Должно было последовать разрешение или запрещение. Вместо этого предпринята попытка создать глупейшую « потемкинскую деревню », вагон со « спецоборудованием », тюремный фургон с надписью « продукты ». Представители власти совершили недопустимую вещь (за которую в развитых странах наказывают) : лояльность граждан не принята во внимание !

Важнейшим является следующее : при разработке решения органы власти должны учитывать не только реальность, но и принцип реальности. Поясним на простом примере : если прекратить снабжение города продовольствием, то можно ожидать спекуляции, хищений и т. д. вплоть до беспорядков.

В данном случае принципом реальности было то, что уничтожение картин и аресты художников станут известны общественному мнению, прежде

всего мировому. Располагая, несомненно, информацией на этот счет, власти принцип реальности третируют и сталкиваются с реальностью.

Отвратительный инцидент 15 сентября стал фактором внешней политики. И только на уровне, превышающем полномочия Моссовета и горкома партии, была решена проблема как таковая. Из этого следует, что городские власти уклоняются от рассмотрения локальных культурно-политических проблем и неспособны к элементарному политическому анализу. Очевиден разрыв в навыках к политическим акциям органов власти высшего и среднего рангов. Но именно с последними и соотносится население страны в повседневной жизни.

Столкнувшись с проблемой, администрация забыла о законодательстве, — она реагировала эмоционально. « Не доводите нас », — потребовал неизвестный из числа разгонявших выставку. Администрация, таким образом, третирует принцип реальности и расписывается в безответственности, — в отличие от граждан, в данном случае художников, удостоверяющих свою лояльность. Подобное положение ставит отношение государство-гражданин с ног на голову и свидетельствует о неблагополучии и нестабильности жизни общества.

Выставка все-таки состоялась в Измайловском парке 29 сентября 1974 г., став предметом внимания мировой общественности, то есть фактором внешней политики, и после долгих переговоров художников и властей. « Доложите обстановку »,

— приказали по радию сержанту милиции, стоявшему неподалеку от меня. « Докладываю обстановку : обстановка нормальная », — сообщил сержант.

Действительно, 29 сентября обстановка была нормальная. Каждый занимался своим делом : милиция наблюдала за порядком, художники показывали картины, зрители смотрели. 64 художника, около 10 тысяч зрителей с 12 до 4 часов дня ! Спецпублика вела себя сдержанно и не выходила за рамки примитивной словесной критики. Ведь на этот раз художники получили разрешение, — правда, в устной форме, — показать свои работы *). Вероятно, выдача письменного разрешения уменьшала шанс разогнать, если понадобится, художников и зрителей. Письменное разрешение нарушило бы традицию запрещать инициативу отдельных граждан. Традиция эта, живая и агрессивная, не имеет законодательного обоснования, она прямо противоречит букве советских законов.

Выставка в Измайлово явила чрезвычайно пеструю картину : трагический и экспрессивный реализм О. Рабина, едва фигуративная живопись Воробьева, юный сюрреализм Ждана — и абстрактные бурлески, — возьму на себя смелость утверждать, что было представлено только новое, даже если иные картины и заставляли вспомнить о школах прошлого и настоящего. Ведь дело не только в принципиальной новизне стиля, но и социальном контексте, в котором возникает, воз-

*) Уточнение. Существовал подписанный М. Шкодиным приказ, разрешающий проведение выставки в Измайлово.

рождается или заимствуется стиль. Культурный контекст, санкционируемый социалистическим государством, безусловно запрещает учебу у Кандинского, Малевича и любого другого художника, не соответствующего стандарту псевдореализма, захламляющего нижний этаж Третьяковской галереи и преподаваемого в художественных вузах. В этих условиях учеба у Кандинского — смелость и новизна, эта учеба восстанавливает «связь времен», разрушенную традицию русской живописи и культуры вообще. Сегодня псевдореализм нуждается в бульдозере, чтобы сохранить свои позиции.

Беляево и Измайлово — важные вехи современной культурной жизни. Органы власти столкнулись с нестандартной проблемой и не сумели решить ее правильно, т. е. с учетом принципа реальности. Это тревожный симптом, поскольку очевидно, что санкционированные формы культурной жизни ограничены и не в состоянии охватить новые культурные феномены, новую вырастающую культуру. Проблема решена опосредованно, с точки зрения задач внешней политики. Это свидетельствует о несамостоятельности внутренней политики государства, о том, что внутренняя политика — зеркало, а не самостоятельная отрасль управления обществом.

Значительность Измайловской выставки не только в том, что живопись извлечена из-под спуда. Это факт общественной жизни, новый и для общества, и для органов власти. Стало ясно, что подобные проявления культурной зрелости не таят ничего страшного для властей, что здесь

может и не быть конфликта, поскольку агрессором выступает государство, но не граждане. Это новый опыт, который будет осмысливаться обеими сторонами...

15 и 29 сентября стали символами различной культурной политики государства. Какой путь изберут органы власти — путь разрушения, 15 сентября, или путь контроля, учитывающего принцип реальности, 29 сентября, — покажет будущее.

Москва, 1974 г.

Председателю Государственного
комитета по делам безопасности
СССР тов. Андропову Ю.В.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Мы обращаемся к Вам с просьбой объяснить нам поступки лиц, которые предъявляют документы сотрудников госбезопасности и совершают действия, которые мы не можем рассматривать иначе как политический шантаж и прямую угрозу ареста нашему другу, поэту и коллекционеру современной живописи Александру Глезеру.

12 ноября в 9.15 на его квартиру явились капитан Ю.С. Белов и И.В. Новиков и пригласили его для беседы на Лубянку, в Московское город-

ское отделение госбезопасности. Эта беседа продолжалась в течение двух часов. Капитан Белов заявил Глезеру, что время доброжелательных разговоров с ним кончилось. Затем последовали следующие обвинения : организация провокационных выставок живописи, передача иностранным корреспондентам ложной и клеветнической информации, создание антиобщественных ситуаций, дружеское общение с иностранными дипломатами, пение песен Галича и Тбилиси в 1965 году.

Далее капитан Белов, несмотря на то, что А. Глезер доказательно опроверг все его обвинения, сказал : « Вы стоите на грани. Вы еще не переступили ее, но еще один шаг, и вы окажетесь уголовным преступником ». Он также сказал : « Когда вы будете советоваться по поводу нашего разговора с Рабиным, помните, что сидеть будете вы, а не Рабин ».

В ответ на объяснение А. Глезером своих поступков, в частности передачи им правдивой информации о двух сентябрьских выставках, капитан Белов заявил, что есть одна правда и есть другая правда.

Мы считаем, что никто, в каком бы чине он ни состоял и от имени какой бы организации ни выступал, не имеет права грозить уголовным преследованием, шантажировать человека и требовать, чтобы он перестал заниматься деятельностью, ничего общего с уголовным кодексом не имеющей.

Мы считаем также, что существует только одна правда, и именно поэтому обращаемся к Вам с

просьбой разобраться в этом деле, которое порочит возглавляемую Вами организацию.

Художники :

*Оскар Рабин
Юрий Жарких
Евгений Рухин
Алексей Тяпушкин
Александр Кропивницкий
Надежда Эльская*

Ответ просим прислать по адресу : Москва Б-61, Большая Черкизовская ул., дом 8, кор. 5, кв. 21, Рабину О.Я. Тел. 161-76-74.

14.XI.1974 г.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Я хочу довести до сведения мировой общественности то, что произошло со мной 12 ноября 1974 года, если я буду неожиданно арестован и не смогу провести ту пресс-конференцию, которую я и мои друзья-художники решили организовать 15 ноября 1974 года на моей квартире в связи с событиями, которые произошли 12 ноября.

12 ноября в 9 часов утра на мою квартиру явились сотрудники органов госбезопасности капитан Ю.С. Белов и И.В. Новиков, которые не предъявили документов. Они пригласили меня для беседы на Лубянку в Московское отделение госбезопасности.

Беседа продолжалась с 10 до 12 часов утра. С самого начала капитан Белов заявил, что добро-

желательных разговоров со мной больше не будет.

Практически не желая выслушивать моих объяснений, он обвинил меня в дружеских взаимоотношениях с рядом зарубежных дипломатов и журналистов, в распространении клеветнической информации о двух сентябрьских выставках, в передаче моего открытого письма в газету «Вечерняя Москва» корреспонденту газеты «Нью-Йорк Таймс», в организации провокационных выставок, в создании антиобщественных ситуаций, которые дают возможность зарубежным журналистам клеветать в адрес СССР.

Капитан Белов заявил также, что если я буду и дальше продолжать свою деятельность по организации выставок и передавать информацию зарубежным корреспондентам, то я переступлю определенную черту, на которой уже стою, и стану уголовным преступником. «Имейте в виду, что сидеть будете вы, а не Оскар Рабин. Помните об этом, когда вы будете советоваться с ним», — сказал он.

Меня заставили подписать официальное предостережение о том, что я извещен, что моя деятельность, по их мнению, является преступной.

Я самым категорическим образом протестую против шантажа и угроз со стороны органов безопасности, протестую против нарушения Конституции СССР, гарантирующей свободу слова, против нарушения моих человеческих прав, зафиксированных Всемирной Декларацией прав человека, подписанной правительством СССР.

Я обращаюсь к мировой общественности, писателям, художникам и общественным деятелям

всех стран с просьбой выступить в защиту прав человека, попранных органами госбезопасности СССР.

*Александр Глезер —
поэт, переводчик и коллекционер
современной русской живописи.*

Москва 13.XI.74 г.

Примечание : Это заявление в тот же день я пытался передать ряду западных корреспондентов, аккредитованных в Москве, но все они, за исключением корреспондента американского журнала «Ньюс Уик», отказались его взять. Вспомните статью Андрея Амальрика о трусливом поведении многих западных журналистов в Москве.

Выступление Ю. Жарких на пресс-конференции
15 ноября 1974 г.*)

Прежде всего я хочу выразить протест против незаконного преследования сотрудниками КГБ Александра Глезера.

Повидимому, указ Верховного Совета СССР от 25. XII. 72 о праве органов КГБ официально предостерегать граждан позволяет некоторым безответственным работникам госбезопасности по своему усмотрению шантажировать граждан, занимающихся общественной деятельностью.

*) Тексты выступлений О. Рабина, А. Глезера и С. Марковой были изъяты у меня гебистами при обыске 12 декабря 1974 г., и их копии не сохранились.

Далее, формулировка «создание антиобщественных ситуаций» также позволяет подобным работникам обвинить любого неугодного им человека политическим преступником. Я присоединяюсь к мнению моих коллег, что подобный шантаж направлен на срыв переговоров о предстоящей выставке художников в декабре, в которых А. Глезер выступает активным членом инициативной группы.

Кроме того я хочу сообщить, что 14 ноября в здании суда во время дачи дополнительных материалов по требованию судьи Алешина, ведущего дело о возмещении убытков, понесенных нами 15 сентября, я был грубо задержан представителями органов милиции тов. Христофоровым и Вороновым. Ответ, зачем это было сделано, только один — создать нервную атмосферу в среде художников, направивших в суд заявления о возмещении убытков, причиненных 15 сентября, запугать их, а через них — всех остальных.

После публикации в «Вечерней Москве» фельетона «И все-таки двойное дно» А. Глезер получил ряд писем от трудящихся.

Глезер,

прочел вчера в «Вечерке» о твоих грязных делах и вся моя душа возмутилась твоей продажностью, предательством и пресмыканием перед иностранцами!

· Как ты, гаденыш, родился в нашей светлой стране, учился в нашей совет. школе, окончил наш совет. ин-т, небось все годы обучения полу-

чал наши кровные деньги — стипендию — и вот на тебе, Иуда, жидовская сволочь, падаль.

Мое письмо к твоей поганой роже не первое и не последнее, миллионы москвичей прочитав феллетон в «Вечерке» клеймят тебя. Мой друг — он еврей, честный, советский, инженер на мое предложение выставить тебя из нашей Родины, сказал мне — нельзя, его надо отправить как государственного преступника на рудники, где он вспомнил бы свое счастливое детство, школу, институт и людей, которые не подозревали с какой мразью имеют дело.

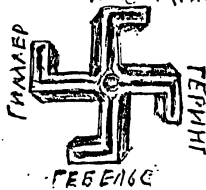
Да, он прав, таких жидов как ты давно стоило отправить в «обетованную землю» и там поняли бы что он потерял, что не оценил.

От удачи факт —
Велика! Отчужден!

Видны, которые
борлись против
фашистского строя
— Убийств еврейских
Народа.

Если бы мы знали
точас рождала бы
Страна Гитлер мы
Сами Свободными
Уничтожили бы
загнев.

Срден — Виселю
Гитлер (Гитлер)
ГЛЕЗЕР (Гитлер)

На память Вам
за Вашу борьбу
за Свободу
Феликс Гитлер!
Ваш место среди
Ваша

Мне стыдно и я краснею, что мы относимся к одной национальности. Я безмерно благодарен сов правительству, которое дало мне образование и почетную работу — н-ка цеха. Гад, гад!

Письмо в редакцию газеты
« Вечерняя Москва » *

Уважаемая редакция !

Лично я с гражданином Глезером Александром Давидовичем не знаком. Дома у него не был. Шампанское с ним не пил. Табличку с надписью « Сорок лет — один ответ » на дверях его квартиры не видел. Но прочитав заметку вашего специального корреспондента о дне рождения Глезера тов. Строкова Р., возмутился до глубины своей души. Глезером, конечно. Сука он. Делает, понимаете, что хочет, говорит, что хочет, любит, что хочет и кого хочет, пьет с кем хочет... Да где он живет ? ! Кто ему давал право справлять день рождения, как он хочет ? ! Ужас !! Наша семья, как прочитала этот репортаж о том, как глезеры справляют свои дни рождения (и родились ведь !), так расстроилась вся. Стали считать, чего они там пили и ели, да какие подарки Глезеру делали и опохме-

*) Это письмо пришло в отдел писем « Вечерней Москвы ». Там посмотрели лишь на первые строчки, в которых искрилась, переливалась ругань по моему адресу, и сразу же переправили сесюринское сочинение мне (А.Г.).

лялись, конечно, утром, противники разрядки, мать иху... А тут вкальываешь как негр, а на день рождения тебе от завкома только благодарность, и то на бумаге. Спасибо еще тов. Строкову Р., который под видом иногостя (он этого не сообщает, но мы же фильмы смотрим и представляем его трудную и опасную профессию журналиста) проник в дом Глезера, все сфотографировал и записал на пленку. Теперь, Александр Давидович, ты от нас не уйдешь. Ответишь, резидент Солженицына и Пикассы, не только за свой день рождения, но и за узбекский язык, который ты бросил, чтобы помогать каким-то художникам, не членам Союза. Мало у нас, что-ли, членов бедствуют, почему у тебя душа только к нечленам лежит?! Почему ты против Форда и Киссинджера, которые вместе с нашей партией борются с американским Конгрессом? Конечно, у меня нет прямых улик, но я почему-то уверен, что тебе нравятся такие, как Сахаров и Наум Коржавин, чей голос недавно передавали по «Голосу». И, конечно, ты лютой ненавистью ненавидишь таких, как Р. Строков, и все, что им дорого. У тебя на дне рождения я не был. Шампанское с тобой не пил. Таблички «Сорок лет — один ответ» не видел. Но «Вечерку» выписываю регулярно.

В. Сесюрин

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

22 декабря 1974 г. в Ленинграде был арестован на десять суток московский поэт и коллекционер Александр Глезер за неподчинение властям. В этом письме я хочу объяснить, результатом чего явился этот арест.

В 1970 году я написал статью в защиту А.Г. после того, как 20 февраля 1970 года в газете «Вечерняя Москва» был опубликован фельетон, где жизнь и деятельность А. Глезера изображалась в самых черных тонах с обязательным стандартным набором всех ругательств, к которым прибегают некоторые журналисты, когда пишут о людях неугодных. К сожалению, когда в наших газетах появляются подобные статьи, человеку, против которого они направлены, практически уже невозможно оправдаться: все учреждения, включая творческие союзы, издательства, редакции других газет, милицию, народный суд и т. д. воспринимают такую статью как приказ. Творческие союзы, как правило, изгоняют заклейменного из своих рядов, издательства перестают издавать, ни одна газета (в том числе и та, которая напечатала осуждающую статью) не напечатает опровержения, даже если в статье будет заведомая ложь. Милиция тут же начинает интересоваться, как человек живет, где работает, на какие

*) Это письмо Оскар Рабин передал аккредитованным в Москве иностранным корреспондентам. Оно приводится не целиком, а в отрывках, так как многие приведенные в нем факты изложены в других материалах.

средства существует и, конечно, грозить преследованием за тунеядство. Ни один суд не обвинит газету в клевете, даже если она будет очевидной.

Откуда такое единодушие? Почему никто даже не подумает разобраться, что правда, а что нет?

Все очень просто. Вступает в силу закон: «Жена Цезаря вне подозрений». А кто же тогда Цезарь? В заголовке стоит адрес: «Газета Московского городского комитета КПСС и Моссовета». Ну так что же? И МГК партии наверно ошибается, и Моссовет не святой.

Но в статье об А. Глезере, помимо обычных сплетен о личной жизни, сообщались сведения, которые журналист мог узнать только в органах КГБ. А с этой организацией, помня печальное прошлое, у нас не спорят. Мнения и рекомендации органов КГБ, в какой бы форме и через кого бы они ни передавались, звучат как приказ, неисполнение которого грозит, мягко говоря, неприятностями...

... Прошло несколько лет, и 12 декабря 1974 года в той же самой газете, того же журналиста, подписавшегося Р. Строковым, появляется новая статья об А. Глезере с обвинениями гораздо более серьезными.

... С этих пор начались новые злоключения поэта и коллекционера А. Глезера. В самой разной форме, от телефонных звонков до встреч на улице поздно вечером и открытой слежки, его шантажировали и запугивали, требуя, чтобы он не информировал иностранных журналистов о происходящих событиях... 12 декабря с раннего

утра органами КГБ у него уже проводился обыск.

... Следователь КГБ Грошевень Н.А. прямо заявил, что у него достаточно материала для возбуждения против Глезера уголовного дела. Но пока « высшее начальство » не приказывало это дело возбудить, пусть немедленно оформляет документы и подает на выезд из СССР.

... Всего этого оказалось мало. 22 декабря 1974 года А. Глезера в Ленинграде арестовали за то, что он будто бы во-время не предъявил документов работникам милиции. Произошло это в день открытия выставки пятидесяти ленинградских художников.

Без прокурора, адвоката, свидетелей и народных заседателей дежурный судья на основании показаний работников милиции присудил А. Глезера к десяти суткам ареста. В тюрьме его немедленно обрили наголо !

20 ленинградских художников, участников выставки, обратились с письмом к прокурору Кировского района г. Ленинграда с просьбой освободить А. Глезера, приехавшего на выставку в качестве гостя художников.

Органы КГБ по этому поводу хранят молчание и делают вид, что они тут ни при чем.

... Начальник оперативного отдела штаба УВД Леноблисполкома подполковник Ю.Г. Парфенов, лично руководивший операцией по аресту Глезера, заявил художникам, интересовавшимся судьбой арестованного : « ...а если он будет плохо вести себя под арестом, то и тридцать суток получит ! »

Ну что ж ! Свидетелей нет. Художникам в свидании с ним отказали. Посмотрим, что будет, когда окончатся эти десять суток !

Москва, 25 декабря 1974 г.

Художник Оскар Рабин.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

Министру культуры СССР
тов. Демичеву.

Копия : в Главное Управление по делам культуры при Моссовете.

В январе 1975 года группа московских художников направила письмо в Главное Управление по делам культуры при Моссовете с предложением разрешить массовую выставку живописи приглашенных инициативной группой авторов в феврале-марте 1975 года.

В результате переговоров с зам. нач. Управления по делам культуры при Моссовете тов. Шлыковой П.И. выяснилось, что предлагаемую выставку Управление организовать не может из-за участия в ней художников-немосквичей и отсутствия индивидуальных письменных разрешений для каждого члена творческих объединений.

Мы считаем, что искусство не зависит от места жительства или принадлежности к любой творческой организации (Союз художников СССР, Горком художников и т. д.). Эти обстоятельства не

могут служить препятствием для участия в выставке.

Мы предлагаем, учитывая опыт организации подобной выставки в Ленинграде, следующий проект выставки :

1. В ней принимают участие все без исключения авторы, работы которых отобраны инициативной группой, избранной художниками, за неделю до открытия выставки для составления каталога.

2. Каждый автор имеет право представить в среднем до пяти работ.

3. Вход на выставку свободный и не ограничен ни членскими, ни пригласительными билетами.

4. Выставка предполагает участие авторов из Москвы, Ленинграда и других городов страны с дальнейшей ее экспозицией в родных городах участников выставки.

Инициативная группа :

М. Одноралов
О. Рабин
Б. Штейнберг
А. Лепин
А. Тяпушкин
Н. Эльская
А. Кропивницкий

14 февраля 1975 года.

Ответ посылать по адресу :

Москва 109444 (Ж-444)

Ташкентская ул., д. 16 кор. I кв. 22.

Одноралову Михаилу Николаевичу.

Тел. : 200-61-65 (мастерская)

372-02-06 (дом.).

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ХУДОЖНИКАМ, ЧЛЕНАМ ГОРКОМА ХУДОЖНИКОВ МОСКВЫ И ЛЕНИНГРАДА *)

12 декабря в Ленинграде состоялся суд над художником Вадимом Филимоновым. Обвинение — хулиганство. Приговор — полтора года лишения свободы. Во время обыска у Филимонова нашли письмо в ЦК КПСС с требованием поставить памятник жертвам культа личности. Под этим письмом он собирал подписи.

В мае этого года в том же Ленинграде художники хотели организовать выставку на открытом воздухе. Многие за это, как за хулиганство, отсидели по 15 суток. И 15 сентября 1974 года, когда против картин были брошены бульдозеры, хулиганами объявили тоже художников.

Но вернемся к Филимонову. Когда его жена обратилась к московским и ленинградским художникам с просьбой подписать письмо в защиту мужа, большинство сделать это отказалось. Что же произошло? Почему художники отказались защитить своего товарища, который всегда принимал участие в движении за свободу творчества в нашей стране?

После 15 сентября 1974 года власти были вынуждены пойти на уступки, и только благодаря этому состоялась единственная свободная выставка в нашей стране — выставка 29 сентября 1974 года в Измайловском парке.

*) Это письмо передал мне по телефону Оскар Рабин 16 декабря 1976 года (А.Г.).

Но уже тогда было сказано, что свободных выставок больше не будет. Заявление это подкреплялось преследованиями художников: судами, угрозами со стороны милиции и военкоматов, психиатрическими больницами и увольнениями с работы. В то же время художникам сулили мастерские, загранпоездки и покупку картин государственными организациями. Как же охарактеризовать в связи с этим поведение властей? Очень просто. Это древняя, как мир, но позорная для современного государства политика кнута и пряника, политика, способная подавить свободное искусство, политика, способная развратить душу человека и искалечить творчество художника. Вспомним, не так ли было задушено прогрессивное искусство в нашей стране в начале века?

В настоящее время в Москве и Ленинграде организован Профсоюз живописцев, функции которого несовместимы с функциями профорганизации как таковой. При помощи того же кнута и пряника художника заставляют подчиниться самой жесткой цензуре, при которой запрещается выставлять отдельных художников, если их поведение не соответствует пожеланиям начальства. Запрещается выставлять целое направление в искусстве — концептуализм, запрещается большинство картин религиозного содержания, запрещаются картины с текстами — нужно разрешение Главлита, запрещается социальная тематика, за исключением признаваемой властями; даже большинство картин с обнаженными телами, оказывается, нельзя показывать народу. Эта, так называемая, профсоюзная организация (прикрываясь

фамилиями некоторых художников, на которых в полной мере воздействовала политика кнута и пряника) в самом начале своей деятельности занимается ни чем иным, как диверсией против свободного искусства нашей страны. Да и не удивительно, раз сам председатель Профсоюза художников Москвы Владимир Ащеулов публично заявляет, что он одновременно — работник КГБ. Уместно вспомнить, что некоторое время назад председателем ВЦСПС был бывший министр КГБ. Председателя ВЦСПС сняли, но более мелкие председатели, повидимому, остались.

Так не настало ли время художникам задуматься: кто на самом деле ими руководит и направляет их творчество, и происходит ли на деле освобождение искусства в нашей стране.

15 декабря 1976.

*Оскар Рабин,
Юрий Жарких,
Владимир Овчинников,
Александр Рабин,
Надежда Эльская,
Иосиф Киблицкий*

СОДЕРЖАНИЕ

Владимир Максимов. Хранитель поиска . . .	5
От составителя	7
Александр Глезер. Причины и последствия московских выставок на открытом воздухе в сентябре 1974 года	9

МАТЕРИАЛЫ ПРЕССЫ

Кристофер Рен. Русские громят бульдозерами выставку современного искусства. « Нью Йорк Таймс » 16.IX.74.	49
Хедрик Смит. Москва: пятеро русских осуждены после скандала с выставкой. « Нью-Йорк Таймс » 17.IX.74.	54
Москва: искусство под бульдорезом. « Кри- чен сайенс монитор » 17.IX.74.	57
Искусство в кольце головорезов. « Лос-Ан- желос Таймс » 17.IX.74.	58
Письмо в редакцию. « Советская культура » 20.IX.74.	60
Филип Ховард. Директор Тейт галери отменяет визит в Россию. « Таймс » 21.IX.74	63
Хедрик Смит. Толпы взволнованных русских на выставке современного искусства. « Нью-Йорк Таймс » 30.IX.74.	65
Майкл Паркс. Повторная выставка абстракт- ного искусства мирно прошла в Москве. « Балтимор сан » 30.IX.74.	70
Нонконформисты просят Москву санкциони-	

ровать выставку живописи в помещении « Нью-Йорк Таймс » 5.X.74.	73
Федор Решетников. Летопись жизни народ- ной. « Вечерняя Москва » 18.X.74. Отрывки из статьи	75
Н. Рыбальченко. Как рассеялся мираж. « Вечерняя Москва » 23.X.74.	77
Хедрит Смит. Русские неофициальные ху- дожники : « Нам грозят испортить жизнь ». « Нью-Йорк Таймс » 1.XI.74.	83
Искусство живет вопреки КГБ. « Гардиан » 9.XI.74.	85
Кристофер Рен. Советские художники отка- зываются от предложения о выставке, ссылаясь на начинающиеся препятствия. « Нью Йорк Таймс » 6.XII.74.	90
Р. Строков. И все-таки двойное дно. « Вечер- няя Москва » 12.XII.74.	92
КГБ допрашивает организатора выставок. « Таймс » 14.XII.74.	99
8000 посетителей на четырехдневной выстав- ке неофициального искусства в Ленингра- де. « Геральд Трибюн » 27.XII.74.	100
Организатор выставок неофициального ис- кусства уезжает из России. Агентство Рейтер 16.II.75.	101
Юр. Нехорошев. Авангард мещанства. « Ве- черняя Москва » 10.III.75.	102
И. Горин. Третьего пути нет ! « Московская правда » 17.V.75.	107
Дмитрий Налбандян. Фальшивые ценности абстракционизма. « Огонек » № 32, август 75 Отрывки из статьи	114

Николь Занд. Неофициальные художники открывают второй осенний салон в Москве. «Монд» 23.IX.75.	117
Петер Оснос. Три московских выставки в восприятии американцев «Русская Мысль» 23.X.75. Отрывки из статьи, перепечатанной русской газетой из «Вашингтон пост»	119

ДОКУМЕНТЫ

Приглашение на первый осенний просмотр картин на открытом воздухе	123
Обращение к Советскому правительству	123
Приглашение на второй осенний просмотр картин на открытом воздухе	126
Министру внутренних дел СССР тов. Щелочкову (Заявление)	127
Открытое письмо главному редактору газеты «Вечерняя Москва»	132
Два дня в сентябре (Из материалов Самиздата)	135
Председателю Государственного комитета по делам безопасности тов. Андропову Ю.В. (Заявление)	144
Заявление (Обращение к мировой общественности)	146
Выступление Ю. Жарких на пресс-конференции 15 ноября 1974 г.	148
Письма А. Глезеру от трудящихся	149
Открытое письмо Оскара Рабина	153
Открытое письмо министру культуры СССР Демичеву	156
Открытое письмо художникам, членам горкомов художников Москвы и Ленинграда	158

OVERSEAS PUBLICATIONS INTERCHANGE